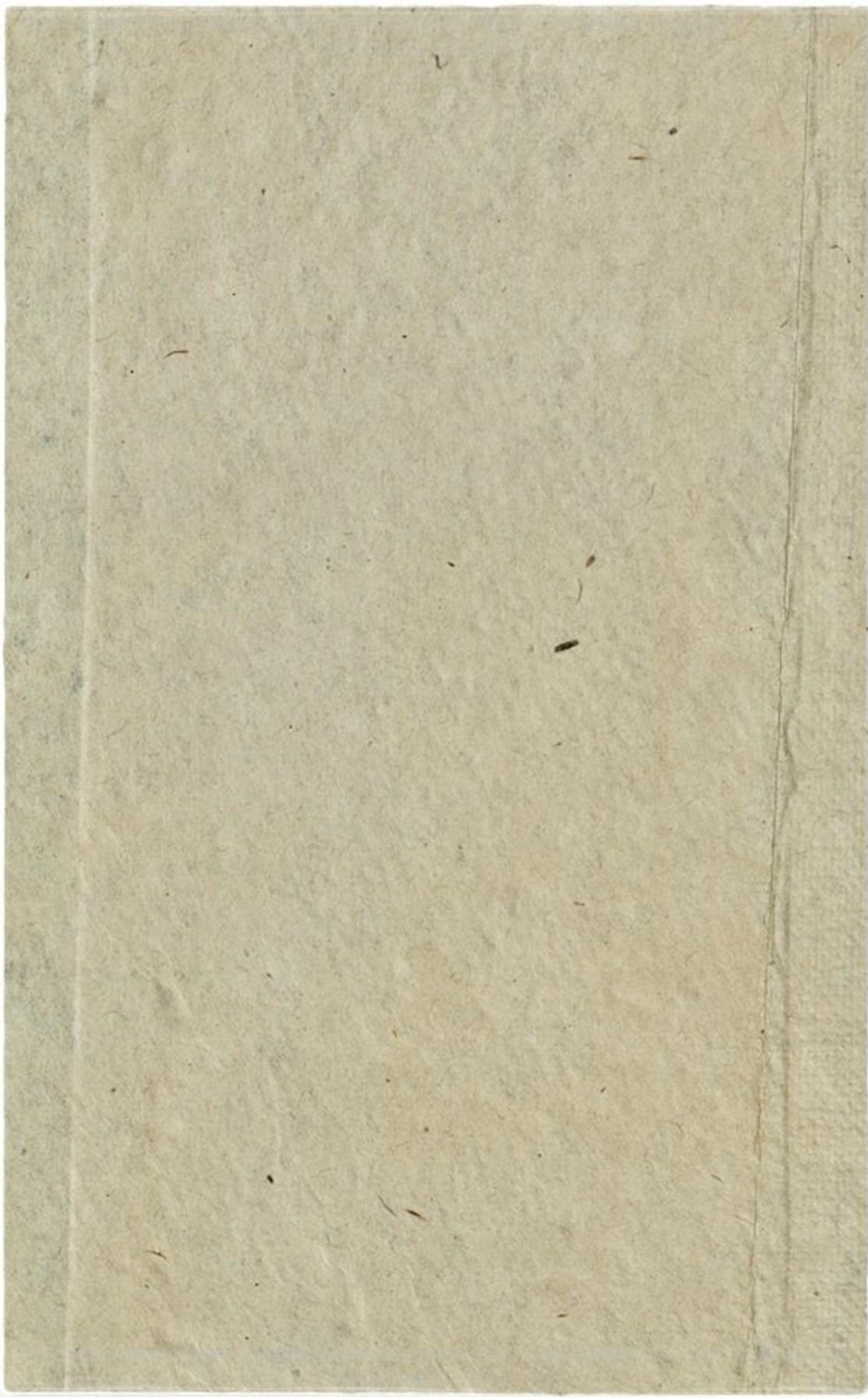
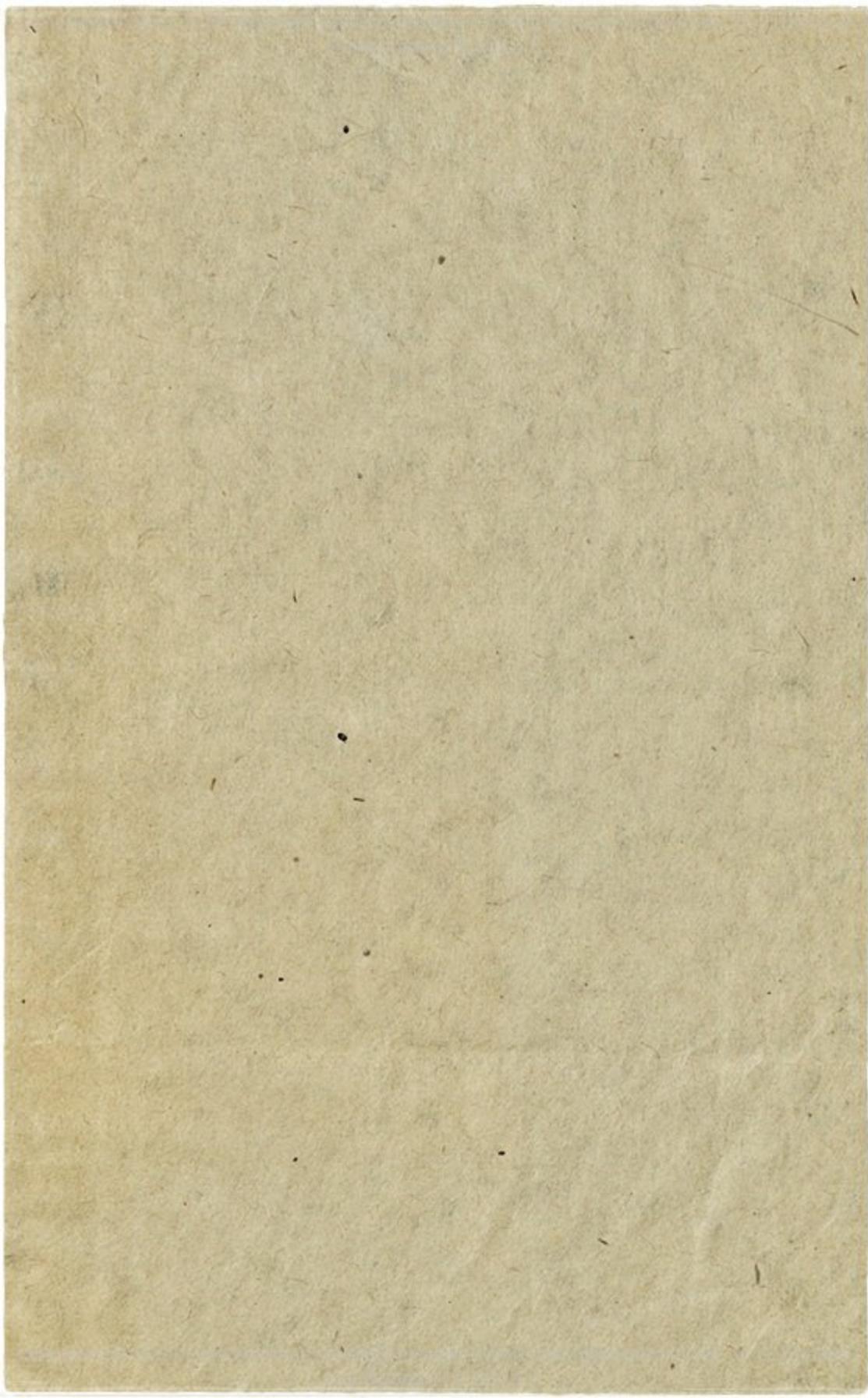

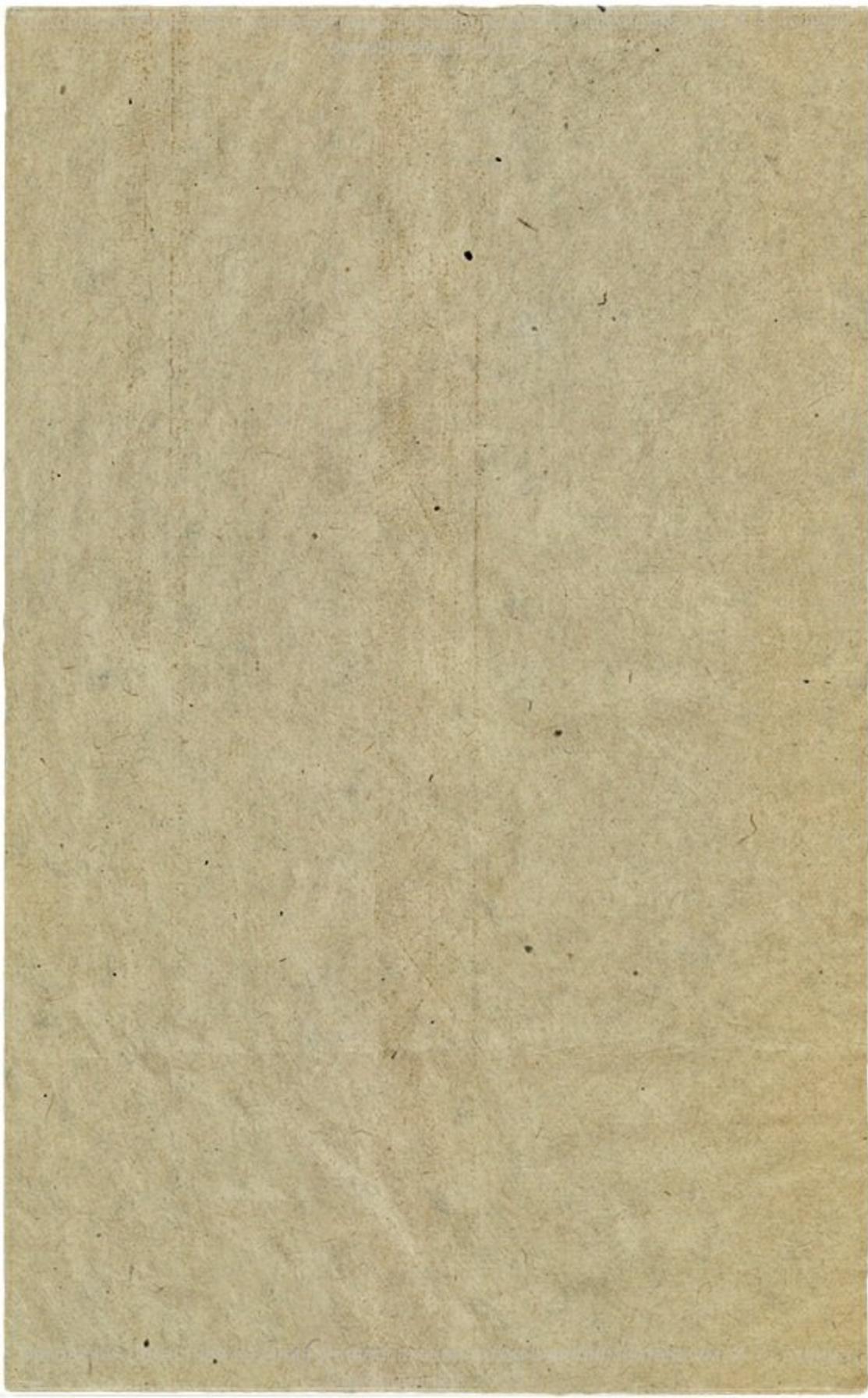
Ш 95

Орловская областная научная универсальная публичная библиотека им. И. А. Бунина
Оцифровано в 2015 г.

Орловская областная научная универсальная публичная библиотека им. И. А. Бунина
Оцифровано в 2015 г.

Ш 95 129(с)-1
Ш-95

009

Орловскій край подъ владыкою Литвы 1356—1504 г.

Удѣльные усобицы, разгромъ Полоцка Мстиславомъ Великимъ въ 1180 году, еще болѣе жестокое разрушеніе Кіева войсками Андрея Боголюбскаго въ 1171 г., а особенно поработеніе всей Руси татарами въ 1237 и 1240 годахъ, совершенно ослабили Русское государство. Этимъ воспользовались Литовцы и, изъ данниковъ Полоцкому и Волынскому княжествамъ, сдѣлались назойливыми грабителями сосѣднихъ русскихъ областей¹⁾.

Въ этихъ набѣгахъ Литовцами руководили ихъ старшины, изъ которыхъ особенно выдѣлился Миндовгъ. Онъ, послѣ смерти полоцкаго князя Брючислава (тестя Александра Невскаго) посадилъ въ Полоцкъ правителемъ сына своей сестры и выдалъ свою дочь за Шварна, сына могущественнѣйшаго тогда русскаго князя Данила Романовича галичскаго и волынскаго.

Въ густынской лѣтописи упоминается подъ 1246 годомъ, что „Миндовгъ пріялъ вѣру христіанскую отъ востока“. Но это не помѣшало ему креститься, вторично у Меленосцевъ по католическому обряду, сжигать плѣнныхъ рыцарей въ жертву богамъ (послѣ боя у Дубры въ 1253 г.) насильно жениться на своей свояченицѣ, бывшей тогда женою Довмонта, пріѣхавшей на похороны своей сестры, жены Миндвога.

¹⁾ Плано Карпини пишетъ (Antequam in Kioviam venirenus.—737), что при его пути въ 1245 г. черезъ Русь (кіевскую), онъ находился въ безпрерывномъ страхѣ предъ литовцами, опустошавшими При-Днѣпровьѣ, благодаря тому что некому было противиться имъ,—большая часть жителей Руси была или побита или взята въ плѣнъ татарами. Кіевъ сдѣлался ничтожнымъ городкомъ, въ которомъ едва ли осталось домовъ 200. По окрестностямъ находилось множество череповъ и костей человѣческихъ. Русь находилась между двумя страшными врагами: татарами съ востока и литовцами—съ запада.

Въ 1263 г. Миндовъ отправилъ всѣ свои войска противъ Романа Михайловича князя Брянскаго. Этимъ воспользовался Довмонтъ и убилъ Миндовга, чѣмъ, въ свою очередь, воспользовался брянскій князь и разбилъ Литовцевъ.

*Войшелкъ-Давидъ*²⁾, монахъ, сынъ Миндовга, узнавши о смерти отца, бросилъ монастырь и захватилъ правленіе Литвою.

Съ этого времени, въ Литвѣ стало быстро распространяться христіанство (православіе), развиваться значеніе русскаго элемента и употребленіе русскаго письма.

Войшелкъ вскорѣ возвратился въ монастырь, предоставивъ Шварну правленіе Литвою. Когда Шварнъ вскорѣ умеръ, Войшелкъ снова бросилъ монастырь, опять сталъ правителемъ Литвы, но былъ убитъ, сыномъ Данила Галичскаго, Львомъ Даниловичемъ, мечтавшимъ сдѣлаться княземъ Литвы послѣ смерти брата своего Шварна.

Это событіе 1316 года возмутило Литовцевъ и вызвало стрѣмленіе ихъ имѣть своего, литовскаго князя. Они избрали одного изъ своихъ старшинъ *Гедимина* храбраго воина, способнаго, хитраго политика, челоуѣка съ широкими замыслами, терпѣливаго, не знавшаго ни отдыха ни отчаянія³⁾.

Гедиминъ, прежде всего позаботился poradниться съ сосѣдними русскими князьями⁴⁾, и за тѣмъ, пользуясь своими связями, онъ сталъ вмѣшиваться въ дѣла русскихъ княжествъ, съ цѣлью присоединенія къ Литвѣ⁵⁾.

Онъ также воспользовался непріязненными отношеніями Пскова и Новгорода въ Москвѣ, а сынъ его *Довмонтъ*

²⁾ Литовскіе князья православные, подобно современнымъ имъ русскимъ князьямъ, носили по два имени: національное (языческое) и другое—греческое, данное при крещеніи.

³⁾ Трачевскій „Исторія Россіи“ Т. I стр. 159.

⁴⁾ Гедиминъ женилъ сына своего Ольгерда на Маріи дочери Ярослава Васильевича князя Витебскаго, послѣдняго въ родѣ, а Кейстута—на Лукеріи дочери послѣдняго волынскаго князя Льва Юрьевича.

⁵⁾ Гедиминъ добился того, что Ярославъ кн. Витебскій отдалъ Ольгерду Витебское княжество какъ приданого за дочерью Марією, а Полоцкое княжество предоставлено было Гедимину княземъ Василиемъ; подобнымъ же, мирнымъ путемъ, вошли въ составъ государства Гедимина и княжества: Минское, Пинское и Туровское.

прибыль въ Псковъ въ 1265 г., гдѣ крестился и провозглашенъ былъ княземъ⁶⁾.

Гедимина справедливо считали великимъ княземъ Русско-Литовскаго государства.

Послѣ его смерти въ 1339 г. его мѣсто заступилъ старшій его сынъ *Ольгердъ-Александръ* (по Псковской лѣтоп. Олигердъ), а младшій Кейстуть получилъ Жлудъ въ зависимости отъ Ольгерда. Ольгердъ держался системѣ отца, сгруппировывая русскія княжества къ Русско-Литовскому княжеству и, для того, пользовался всякими предложениями и средствами. Такъ для усиленія своего влiянiя на Смоленскъ, Ольгердъ вызвался помочь Смоленскому князю въ борьбѣ его съ Московскимъ великимъ княземъ и, съ этою цѣлью, двинулся въ 1341 году въ предѣлы Московскаго государства, достигъ Можайска, опустошилъ его окрестности, пожегъ посадъ, но города не одолѣлъ⁷⁾. Онъ повторилъ свой набѣгъ удачнѣе, заключилъ договоръ съ вел. княземъ Симеономъ Гордымъ и поставилъ Смоленскъ въ зависимости отъ Литвы. Смоляне рѣшились сбросить ее съ себя; но Ольгердъ 1358 г. еще болѣе усилилъ гнетъ, не уничтожая политической самобитности Смоленскаго княжества.

Послѣ смерти кн. Довмонта въ 1272 г., Ольгердъ явился во Псковъ, чтобы защитить его отъ посягательствъ Ливонскаго ордена. Въ признательность за это Псковичи просили Ольгерда быть ихъ княземъ; но онъ отказался отъ этого и предложилъ вмѣсто себя сына своего *Витгольда-Андрея*. Такимъ образомъ Псковъ, не теряя самостоятельности, остался подъ господствомъ Литвы.

Въ слѣдующемъ году Ольгердъ заключилъ очень выгодный договоръ съ Новгородомъ, воспользовавшись борьбою тамъ партiй.

Въ 1349 году онъ задумалъ вооружить хана Золотои орды Чанибека противъ Симеона Годаго, съ тѣмъ чтобы получить ярлыкъ на Московское государство и, съ этою цѣлью, послалъ въ орду своего брата Коріада. Чанибекъ понялъ

⁶⁾ Довмонтъ—Тимофей былъ зять Александра Невскаго. Псковская лѣтопись стр. 12.

⁷⁾ Никоновская лѣтопись. Ч. III, стр. 174.

интригу и выдалъ Симеону Коріада. Ольгердъ сиюхватился и послалъ въ Москву посольство „съ великою честью и огромными дарами“, чтобы просить Симеона: отпустить Коріада, выдать за него, Олгерда⁸⁾ свояченицу Юльняю Александровну, княжну тверскую, а за его брата Любарта—племянницу, княжну ростовскую. Симеонъ исполнилъ эти просьбы, по совѣту митрополита.

Послѣ разоренія Чернигова Батыемъ въ 1240 г., Брянскъ сдѣлался главнымъ городомъ Сѣверской области и сталъ сильно развиваться; но внутренніе раздоры, вечевые беспорядки, борьба со Смоленскомъ, вмѣшательство въ нее татаръ подорвали состояніе Брянска.

Этимъ воспользовался Ольгердъ, двинулся въ 1356 году къ Бранску и взялъ его; послѣ чего онъ легко подчинилъ себѣ всѣ города Брянско-Сѣверской области, чему много содѣйствовало то что, *попадая подѣ власть Ольгерда, область освобождалась отъ татарскаго ига.*

Для управленія вновь присоединеннымъ княжествомъ, Ольгердъ посадилъ правителями: въ Брянскѣ съ Ногородомъ-Сѣверскимъ—сына своего *Корибута-Дмитрія*, въ Трубчевскѣ—другаго сына *Дмитрія*, въ Черниговѣ—сына же *Константина*, въ Стародубѣ—племянника *Патрикія*; въ остальныхъ менѣе важныхъ, городахъ, онъ оставилъ бывшихъ тамъ русскихъ князей Святославичей.

Какъ далеко на востокъ простирался захватъ Ольгердомъ русскихъ земель, нѣтъ точныхъ данныхъ; кажется онъ простирался до перевала между бассейнами р.р. Десны и Оки⁹⁾.

Нашествіемъ Ботыя въ 1240 году. Подолія была подчинена татарскому владычеству и составляла Подольскій улусъ, управляемый татарскими темниками, съ которыми Ольгердъ былъ въ дружбѣ и заключалъ договоры.

Въ 1362 году онъ былъ возмущенъ нарушеніемъ такого договора темникомъ Котлыбугомъ и потому двинулся

⁸⁾ Ольгердъ, въ это время, былъ вдовъ послѣ смерти кн. Маріи Ярославовны, скончавшейся въ 1346 году.

⁹⁾ Добряковъ „Атласъ Русской Исторіи клап. Кар. II „Ториау“ Атлас. Рус. Пан. Таба III.

съ войскомъ къ Бугу, нанесъ страшное пораженіе татарамъ при р. *Синихъ водахъ*¹⁰⁾ и преслѣдовалъ ихъ въ Крымъ до Херсонеса, занялъ его и, за тѣмъ, отправился домой чрезъ Кіевъ. При этомъ взялъ изъ Херсонеса только „Корсуньскую“ икону Божьей Матери, которую и передалъ княгинѣ Юліяніи Александровнѣ, строившей тогда Троицкій монастырь въ Вильнѣ.

Въ Кіевѣ, въ это время, были русскіе князья, въ полной зависимости отъ орды, которая раздиралась смутами и усобицами, а Кіевъ не переставалъ быть предметомъ искаательства и раздоровъ разныхъ князей. Ольгердъ воспользовался этимъ и, мимоходомъ изъ Крыма, занялъ Кіевъ смѣнилъ тамошняго Князя Федора и посадилъ, вмѣсто него, своего сына Владиміра.

Ханъ Золотой Орды выслалъ свои войска для возвращенія Подоли и Кіева, но Ольгердъ разбилъ эти войска и двѣ прекрасныя русскія области вошли въ составъ Литовскаго государства.

Кромѣ всего этого, Ольгердъ велъ почти непрерывную борьбу съ Ливонскими рыцарями¹¹⁾ и, вмѣшивался въ распри своего шурина, тверскаго князя Василія Михайловича съ московскими великими князьями Иваномъ II и Дмитріемъ Ивановичемъ, совершалъ походы на Москву въ 1357, 1365, 1367 и въ 1372 годахъ. Въ послѣдній походъ Ольгердъ дошелъ Москвы, обложилъ ее, но серпуховскій князь Владиміръ Андреевичъ вышелъ въ тылъ ему къ Перемышлю. Ольгердъ обратился къ великому князю съ просьбою о мирѣ и съ желаніемъ выдать свою дочь Елену за Серпуховскаго князя Бориса.

Въ 1372 году Михаилъ Александровичъ князь тверской выхлопоталъ въ ордѣ ярлыкъ себѣ на Московскій престолъ и просилъ Ольгерда помочь ему занять этотъ престолъ. Ольгердъ согласился и дошелъ до Любутска¹²⁾. Здѣсь передовой литовскій отрядъ былъ разбитъ русскими войсками; главныя же силы, подъ начальствомъ Ольгерда, успѣли за-

¹⁰⁾ Рѣка Синія воды или Синюха лѣвый притокъ Южнаго Буга.

¹¹⁾ Историки насчитываютъ до 70 набѣговъ рыцарей на Литву въ царствованіе Ольгерда.

¹²⁾ Калужской губ., близъ г. Алексина.

нять крѣпкую позицію за оврагомъ. Три дня войска Ольгерда и русскія стояли другъ противъ друга по обѣ стороны оврага: на четвертый день Ольгердъ вступилъ въ переговоры, которые привели къ заключенію мира.

Замѣчательно, что договоръ объ этомъ мирѣ былъ заключенъ отъ имени: Ольгерда, брата его Кейстута жмудскаго, Святослава Ивановича великаго князя смоленскаго, Михаила Александровича князя тверскаго и Дмитрія Ольгердовича князя Брянскаго, а также подручныхъ имъ князей.

Изъ этого можно заключить, что тогда Брянскъ, Смоленскъ и Тверь признавались какъ бы самостоятельными; а между тѣмъ смоляне и брянцы—сѣверяне шли подъ знаменами противъ русскихъ—москвичей, вопреки своего желанія.

Ольгердъ провелъ свою молодость въ Витебскѣ, имѣлъ обѣихъ женъ русскихъ, преданныхъ православію, чрезвычайно религіозныхъ. Это не могло не имѣть вліянія на нравственное состояніе Ольгерда и дѣйствительно, онъ въ значительной степени былъ *русскій душою* и искренній *православный* христіанинъ¹³⁾.

Еще, живя въ Витебскѣ, онъ построилъ тамъ двѣ православныя церкви; сдѣлавшись великимъ княземъ вилenskимъ, онъ первымъ дѣломъ обратилъ языческое капище въ Вильнѣ въ церковь св. Михаила; а въ 1346 году сталъ строить и церковь Успѣнія Пресвятой Богородицы (нынѣ „Пречистенскій“ соборъ), которая была дворцовой.

Первая супруга Ольгерда Марія Ярославовна, по прибытіи въ Вильну, занялась постройкою церкви св. Параскевіи; а вторая, Юлія Александровна построила въ Вильнѣ церковь св. Николая, а потомъ исходатайствовала разрѣшеніе вырубить ту дубовую рощу, гдѣ производились языческія жертвоприношенія и гдѣ были повѣшены мученики: Іоаннъ, Антоній и Евстафій¹⁴⁾. На мѣстѣ этой рощи кня-

¹³⁾ Большинство историковъ утверждаютъ что Ольгердъ крестился въ 1318 г. предъ женитьбою на княжнѣ Маріи Ярославовнѣ; псковская же лѣтопись, подъ 1341 г., говоритъ что „князь Олигердъ отречеса креститися и княженія Псковскаго и крести сына своего Андрѣя“.

¹⁴⁾ Когда Ольгердъ находился въ походѣ, главари литовцевъ язычниковъ заключили въ тюрьму придворныхъ покойной княгини Маріи Ярославовны: Ивана, Антонія и Евстафія, за проповѣдываніе ими хри-

гиня Юліянiя построила монастырь съ церковью во имя св. Троицы, надъ мѣстомъ смерти этихъ мучениковъ.

Всѣ поименованныя церкви строились лучшими зодчими изъ Кіева и пользовались почитаніемъ Ольгерда и его женъ ¹⁵⁾. Такое почитаніе Ольгерда весьма характерно выразилось въ томъ, что онъ, занявши Херсонесъ въ 1362 г., взялъ оттуда только одну икону Божіевъ Матени которую и отдалъ женѣ Юліянiи Александровнѣ для Троицкаго монастыря ¹⁶⁾.

Все это могло быть притомъ условіи, что въ Литвѣ православіе было господствующею религіею, когда язычество отживало свой вѣкъ, а католичество было въ пренебреженіи у Литовцевъ, какъ приходящее къ нимъ отъ ненавистныхъ имъ нѣмцевъ и навязываемое насильно врагами рыцарями. При такихъ условіяхъ и русская народность пользовалась въ Литвѣ, если не главенствомъ, то сильнымъ вліяніемъ и прочнымъ положеніемъ ¹⁷⁾.

стіанства и успѣхи обращенія литовцевъ-язычниковъ въ Православіе; а когда увидѣли, что и, будучи въ тюрьмѣ, эти три лица имѣютъ еще большее вліяніе на народъ, изуверы повѣсили ихъ въ своей священной рошѣ въ 1347 году.

¹⁵⁾ При учрежденіи уни, всѣ православные храмы сдѣлались униатскими; а за тѣмъ, благодаря интригамъ польскаго католическаго духовенства, перешли въ его власть, подверглись опустошенію и даже оскверненію. Только заботами графа М. Н. Муравьева, возстановившаго въ Литвѣ должное значеніе православія и русской національности, возстановлены сказанные три храма великолѣпно.

¹⁶⁾ При тѣхъ же условіяхъ и херсонесская икона перешла въ вѣдѣніи униатовъ, а потомъ католиковъ. На жалобу униатовъ папѣ объ отобраніи у нихъ католиками этой иконы, папа приказалъ оставить ее въ вѣдѣніи католиковъ. Она ими чрезвычайно чтится и извѣстна подъ названіемъ „*Остробрамскою*“ (Островратской).

¹⁷⁾ Сохранившіеся письменные документы, не только временъ Ольгерда, но и значительно позднѣйшихъ, писаны почти исключительно по-русски. Видимо русскій языкъ былъ официальнымъ языкомъ для всѣхъ учреждений Русско-Литовскаго государства. Только съ началомъ связи Литвы съ Польшею, начинаетъ входить въ употребленіе латинскій, а за тѣмъ и польскій языкъ, вытѣсняя постепенно русскій. Последний документъ писанный по-русски относится къ 1697 году.

Древнѣйшіе сохранившіеся памятники русскаго письма въ Литвѣ, — это Туровское Евангеліе XI в. и нѣсколько евангелій XIII—XIV вѣковъ. Въ 1262 г. былъ составленъ въ Литвѣ хронографъ, содержащій хронику Малалы съ многими добавочными статьями по литовской лѣто-

Въ русскихъ областяхъ, входившихъ въ составъ Литовско-русскаго государства, и православіе и русская народность были вполне господствующими при Ольгердѣ и при томъ, *свободными отъ татарскаго ига*, когда остальные русскія страны подвергались всѣмъ безобразіямъ этого бича.

Въ 1377 году Ольгердъ-Александръ постригся въ монахи, а затѣмъ вскорѣ принялъ схиму съ именемъ Алексѣя и умеръ, оставивъ: 5 сыновей и 1 дочь отъ первой жены и 7 сыновей и 4 дочери отъ второго брака, а именно,—отъ первой жены: Вингольда-Андрея княжившаго въ Полоцкѣ, Корибута-Димитрія князя Брянскаго—Сѣверскаго, Димитрія князя Трубчевскаго, Владиміра князя Кіевскаго, Константина князя Черниговскаго и дочь Агриппину за Борисомъ княземъ Суздальскимъ. Отъ второго брата были: Ягелло (Ягайло)—Яковъ, Вингедъ-Федоръ князь Керновскій, Киргайло-Василій, Скиргайло-Иванъ, Лугвенъ-Симеонъ, Мингайло, Свидригайло-Левъ и дочери: Марія, Александра, Елена и Феодора.

Послѣ Ольгерда, на виленскій престолъ сѣлъ шестой сынъ Ягайло, помимо пяти старшихъ братьевъ отъ первого брака. Видимо, это произошло подъ вліяніемъ княгини Юліяны и наперстника Войдылы.

Историки расходятся въ мнѣніяхъ,—былъ ли Ягелло христіанинъ, но всѣ они говорятъ, что онъ былъ грубый, трусливый, скрытный, лѣнивый, безхарактерный, подчиняв-

писи. Эти добавочныя статьи, кромѣ послѣдней, древне-славянскаго происхожденія, почему академикъ А. А. Шахматовъ признаетъ ихъ взятыми изъ болгарской энциклопедіи X вѣка. Древнѣйшій сохранившійся документъ этого письма есть договоръ литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казиміромъ въ 1345 году. Документовъ на литовскомъ языкѣ не встрѣчается вовсе; литовскій языкъ не имѣлъ своей азбуки. Даже польскіе короли писали акты для Литовцевъ по-русски; доказательствомъ тому можетъ служить грамота короля Сигизмунда въ 1524 году начинающаяся такъ: „Жикгимундъ. Билъ намъ чоломъ слуга нашъ Карумаси Вернартъ и поведилъ предъ нами, што онъ купилъ мѣстцо на реце на Вильни у мещанина“... Книгопечатаніе въ Вильнѣ началось въ 1525 г., т. е. десятью годами раньше, чѣмъ въ Москвѣ и, какъ кажется, послужило началомъ и основой печатанія въ Москвѣ. Въ Вильнѣ печатаніе производилось на русскомъ языкѣ и началось воспроизведеніемъ „Апостола“ въ 1525 и „Литовскаго статута“—въ 1528 годахъ.

шійся вліянію окружавшихъ его, особенно прислужника Войдыллы, за котораго онъ выдалъ свою сестру княжну Марію.

По совѣту этого человѣка и, боясь соперничества обойденныхъ братьевъ, Ягелло началъ стремиться къ тому, чтобы лишить ихъ возможности вредить ему. Онъ началъ съ Андрея полоцкаго, возбудивъ противъ него рыцарей. Андрей, не видя возможности отбиться отъ нихъ и понимая свое тягостное положеніе, удалился въ Москву къ великому князю Димитрію Ивановичу, который далъ ему войско и отправилъ его съ Димитріемъ Михайловичемъ волинскимъ противъ ихъ общаго врага Ягеллы. Они явились къ Трубчевску, гдѣ княжилъ Димитрій Ольгердовичъ. Тотъ, понимая, что, въ недалекомъ будущемъ, и ему предстоитъ участь брата Андрея, вышелъ изъ города со своею семьей и боярами и отправился въ Москву, а Андрей занялъ безъ сопротивленія: Трубчевскъ, Стародубъ и ихъ области именемъ Московскаго великаго князя.

Ягелло, занятый внутренними смутами, не могъ противодѣйствовать тому. Братъ Ольгерда, старый Кейстуть, ясно понималъ все безобразіе дѣйствій племянника: его возмущала и дружба его съ рыцарями и вліяніе нахала Войдыллы и выдача за этого раба княжны Маріи и мѣры принимаемая противъ старшихъ обойденныхъ братьевъ. До него дошли слухи, что Ягелло злоумышляетъ и противъ него и его сына Витовта и, для того, вошелъ въ сношеніе съ рыцарями.

Кейстуть воспользовался уходомъ войскъ Ягеллы къ Полоцку, явился внезапно къ Вильнѣ, овладѣлъ ею, плѣнилъ Ягеллу и нашелъ договоръ Ягеллы съ рыцарями, для дѣйствій противъ ненавистныхъ родственниковъ.

Тогда Кейстуть провозгласилъ себя великимъ княземъ литовскимъ, заставилъ Ягеллу присягнуть ему, отправилъ его подъ стражею въ Витебскъ, Войдыллу повѣсилъ, а самъ переселился въ Троцкій замокъ, оставивъ въ Вильнѣ: вдову Ольгерда Юліанію, вдову Войдыллы Марію и Скиргайлу Ольгердовича.

Эти три лица преданныя Ягеллѣ, посовѣтывали ему обратиться къ Кейстуту чрезъ Витовта, съ просьбою о мирѣ.

Кейстуть согласился и назначилъ сборный пунктъ для договора. Здѣсь Кейстуть и Витовтъ были измѣнически схвачены. Кейстуть удушенъ, Витовтъ заключенъ въ тюрьму въ Крево; откуда впрочемъ Витовту удалось бѣжать къ рыцарямъ.

Возстановивши свое владычество въ Вильнѣ, Ягелло узналъ о готовящемся нападѣніи Мамаю на Москву и потому вошелъ въ соглашеніе съ Олегомъ Рязанскимъ, чтобы содѣйствовать Мамаю, съ тѣмъ, что, ежели Димитрій Ивановичъ убѣжитъ къ сѣверу отъ татаръ, то Ягелло займетъ Москву, а Олегъ—г. Владиміръ; но прибытіи же Мамаю, они его встрѣтятъ съ дарами и упрелятъ на раздѣленіе Московскаго государства между ними обоими, за ихъ содѣйствіе. Того же они предполагали достигнуть и при пораженіи Димитрія¹⁸⁾.

Но, Димитрій предупредилъ присоединеніе къ Мамаю Ягеллы и Олега и, до того, разгромилъ татаръ 8 сентября 1380 года.

Узнавши объ этомъ пораженіи, и Олегъ и Ягелло растерялись и, не смотря на крайне затруднительное положеніе Димитрія Донскаго, они ушли поспѣшно по домамъ.

Возвратившись съ этого похода, Ягелло призвалъ Витовта къ себѣ, далъ ему Гродну и вообще сталъ почему-то благоволять ему.

Послѣ смерти польскаго короля Казиміра III Великаго въ 1384 году, польскій престолъ остался свободнымъ. Польскіе прелаты, магнаты и паны увидѣли возможность избраніемъ Людовика короля венгерскаго, соединить Венгрію съ Польшею и получить отъ избраннаго ими короля такія льготы, какія пожелаютъ. Мечты ихъ исполнились; но Людовикъ вскорѣ умеръ, оставивъ только одну 15-ти лѣтнюю дочь *Ядвигу*, которую онъ просилъ посадить на занимаемые имъ престолы.

Въ Польшѣ женщины вообще не пользовались правами наслѣдства; но этому польскіе заправила предложили Ядвигѣ польскую корону, если она согласится выйти замужъ за Ягеллу литовскаго, съ цѣлью присоединенія Литвы къ Польшѣ и обращеніе въ католичество Литовцевъ.

¹⁸⁾ С. Соловьевъ. „Исторія Россіи“ Т. II стр. 351.

Въ то же время, польскіе делегаты представили Ягеллъ самыя блестящіе планы и картины. Ягелло, ни самъ не обсудилъ предложенныхъ условій, ни передавалъ ихъ для того совѣтникамъ, а подписалъ безъ затрудненія.

Въ числѣ условій этого договора были обязательства: что онъ и его подданные, за исключеніемъ Жмуда и русскихъ, примутъ католичество, что дипломатическіе сношенія будутъ общія отъ Польши и Литвы, что внутренніе порядки и управленія въ каждомъ изъ этихъ государствъ останутся свои и что всѣ сокровища дѣда и отца Ягеллы будутъ перевезены въ Польшу.

Вслѣдъ за тѣмъ, 12 февраля 1386 года, Ягелло совершилъ вѣздъ въ Краковъ, 12-го числа онъ принялъ крещеніе,¹⁹⁾ съ именемъ Владислава, 18 февраля совершилось бракосочетаніе Ягеллы-Владислава съ Ядвигою, а 5 марта онъ былъ коронованъ польскою короною, при торжественной клятвѣ его на вѣчное соединеніе Литвы съ Польшею.

Какъ ни тонко дипломатически были составлены условія договора, но Литовцы вскорѣ поняли, что польскіе прелаты будутъ настойчиво добиваться порехода всѣхъ въ католицизмъ, что имъ придется быть подручными у надменныхъ польскихъ пановъ и орудіями для выполненія польскихъ прихотей.

Въ концѣ октября 1390 года, Ягелло и Ядвига прибыли въ Вильну, для открытія перваго сейма. На этомъ сѣймѣ участвовали удѣльные князья и бояре и было постановлено: крестить (по католическому обряду) всѣхъ природныхъ Литовцевъ-язычниковъ; но не принуждать русекихъ и православныхъ литовцевъ къ принятію католичества. Видимо первоначальное опрометчивое обѣщаніе Ягеллы оказалось не выполнимымъ²⁰⁾.

Впрочемъ, новое постановленіе было маскою и, уже 20 марта 1391 года, было объявлено что каждый изъ бояръ, принявшій католичество, получаетъ право:

¹⁹⁾ Ягелло, сынъ православнаго Ольгерда и Юліиіи Александровны, конечно былъ крещенъ, съ именемъ Якова, значитъ крещеніе его въ Краковъ было *вторичнымъ*.

²⁰⁾ Великій магистръ тевтонскаго ордена Конрадъ Юнгингенъ заявлялъ папѣ что „Литовцы обращаются больше въ русскую вѣру, чѣмъ въ латинскую“.

а) распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ ему угодно;
б) выдавать своихъ дочерей за-мужъ по своему усмотрѣнiю;

в) быть освобожденнымъ отъ личныхъ повинностей, кромѣ военной службы и постройки крѣпостей;

и г) право ускореннаго дѣйствiя правосудiя.

Крестьянамъ, принявшимъ католичество, обѣщаны даромъ бѣлыя свиты.

Городамъ, вводившимъ у себя католичество, представлялось Магдебургское право.

Православные, вступившіе въ бракъ съ католическимъ лицомъ, были обязаны непремѣнно переходить въ католичество.

Это было началомъ приниженiя православiя въ Литвѣ и стрѣмленiя русскихъ Литовскаго государства къ Московской Руси, хотя она еще была подъ гнетомъ татарскимъ.

Вскорѣ Ягелло произвелъ измѣненiя въ назначенiи правителей, такъ, чтобы въ русскихъ областяхъ стояли во главѣ сторонники Поляковъ.

Сообразно этому, были назначены: въ Полоцкѣ—Андрей Кейстutowичъ, во Владимiръ-Волынской—Любарть Ольгердовичъ, въ Кiевѣ—Владимiръ Ольгердовичъ, въ Пинскѣ—Александръ Наримундовичъ, въ Подолiю—братья Карiатовичи, въ Гродну и Брестѣ—Витовтъ Кейстutowичъ, въ Новгородѣ Сѣверской—Корибутъ-Дмитрiй Ольгердовичъ, въ Заславль—Михаиль Явнутовичъ, въ Керновѣ—Выгондъ и въ Новгородѣ Великій—Лулгвень-Симеонъ Ольгердовичъ. Скоргаило Ольгердовичъ, за его помощь въ сверженiе Кейстута, былъ назначенъ великимъ княземъ Литвы; но въ Вильну былъ назначенъ полякъ Климентъ, со званiемъ Вице-Канцлера съ широкими полномочiями.

Въ это время, сынъ Дмитрiя Донскаго, князь Василiй бѣжалъ изъ орды и явился къ Витовту, который принялъ его очень ласково, обручилъ со своею дочерью Софiею и отправилъ въ Москву.

Ягеллъ это показалось подозрительнымъ, онъ потребовалъ отъ Витовта объясненiй, тотъ послалъ въ Краковъ довѣреннаго Кучку, котораго запытали до смерти въ Краковѣ. Витовтъ понялъ непроглядность своего положенiя, вздумалъ произвести государственный переворотъ; но заго-

воръ этотъ былъ обнаруженъ и Витовтъ бѣжалъ къ рыцарямъ. Тѣ обрадовались проявить свою военную дѣятельность и двинулись къ Вильнѣ²¹⁾. Результатъ былъ неудаченъ для нихъ и они отправили Витовта въ одинъ изъ своихъ замковъ.

Въ это время къ Витовту явилось посольство изъ Москвы, за невѣстою молодого великаго князя Василя Дмитріевича Софію.

Все сразу перемѣнилось: рыцари стали крайне любезны, Ягелло прислалъ довѣренныхъ лицъ съ предложеніемъ Витовту мировой и полного владычества въ Литовско-русскомъ государствѣ.

Съ этого времени, Витовтъ постоянно стремился къ обособленію отъ Польши; но, помимо него, вліяніе латинопольскаго духовенства все болѣе укрѣплялось въ Литвѣ и самъ онъ сдѣлался противникомъ православія и русской національности, не смотря на то, что, по мнѣнію большинства историковъ, $\frac{9}{10}$ населенія его государства были русскіе—православные²²⁾.

Это, прежде всего, проявилось въ отношеніяхъ Витовта къ князьямъ русскихъ провинцій, начиная съ Корибута-Димитрія Новгородъ-Сѣверскаго, котораго Витовтъ разбилъ въ 1392 году, взялъ въ плѣнъ и отправилъ къ Ягеллѣ. Та же участь постигла: въ слѣдующемъ году Федора Коріановича и Подолія попала въ руки поляковъ, потомъ Свидригайлу князя Витебскаго, а затѣмъ былъ выгнанъ изъ Кіева Владиміръ Ольгердовичъ, вмѣсто котораго былъ посаженъ Иванъ Ольгердовичъ, какъ ленникъ.

Обезпечивъ такимъ образомъ себя со стороны обойденныхъ Ольгердовичей, Витовтъ обратился къ Смоленску (родины его жены Анны), гдѣ тогда княжилъ Юрій сынъ Святослава Ивановича. Онъ воспользовался неладами Юрія съ братьями и отбѣздомъ къ тестю его Олегу Рязанскому, двинулся къ Смоленску въ 1395 году, распуская слухъ, что онъ идетъ въ Москву, помогать зятю.

²¹⁾ Въ этомъ походѣ участвовало много постороннихъ рыцарей искателей приключеній, въ томъ числѣ и графъ Дерби, впоследствии англійскій король Генрихъ IV.

²²⁾ Въ составъ Литовскаго государства входило 2 нынѣшнихъ литовскихъ губерніи, Гродненская полу-русская и 16 русскихъ; при чемъ густота населенія первыхъ была значительно слабѣе, чѣмъ послѣднихъ.

Святославици встрѣтили Витовта въ Смоленскѣ съ почетомъ; но онъ измѣнически схватилъ ихъ и отправилъ въ Литву, и въ Смоленскѣ посадилъ своего намѣстника. Юрій Святославовичъ, узнавши объ этомъ въ Рязани, двинулся съ рязанскими войсками къ Смоленску. Тогда Витовтъ обратился къ зятю своему В. К. Василю Дмитріевичу съ просьбою послать свое войско въ Рязанское княжество. Это заставило рязанцевъ возвратиться назадъ.

Это было для Витовта тѣмъ болѣе важно, что, пользуясь отсутствіемъ его изъ Вильны, Тевтонскіе рыцари, двинулись въ Литву, достигли Вильны, сожгли ея предмѣстья и опустошили окрестности.

Явился Витовтъ, дѣла получили оборотъ, но все таки договоръ, заключенный имъ съ рыцарями стоилъ ему всей Жлуди.

Этотъ договоръ возбудилъ поляковъ, приближенные Ягеллы требовали его вмѣшательства. Вмѣсто Ягеллы. Витовту написала Ядвига требуя: объясненій, признанія сюзеренныхъ правъ Польши надъ всѣми областями Литовскаго государства и присылки дани.

Витовтъ передалъ это посланіе виленскому сейму, который призналъ претензіи Польши неправильными, что Литва никогда не была подчинена Польшѣ и дани не обязывалась платить ей.

Все обошлось мирно, такъ что Витовтъ рѣшился заставить Новгородъ Великій признать зависимость свою отъ Литвы, а затѣмъ направился въ 1399 году къ Золотой Ордѣ, разрушилъ по пути нѣсколько улусовъ, вывелъ изъ нихъ много плѣнныхъ и расселилъ ихъ по Подолію, Волини и Литвѣ²³⁾.

На слѣдующій годъ Витовтъ повторилъ свою попытку, собралъ до 100.000 войска, пригласилъ 600 рыцарей, дошелъ до Ворсклы и здѣсь потерпѣлъ жестокое пораженіе отъ Эдигея, который гналъ остатки арміи Витовта до Луцка.

По словамъ лѣтописца, Витовтъ „оскудѣлъ людьми до конца“. Смоленскъ, Новгородъ и рыцари хотѣли воспользоваться этимъ.

²³⁾ Вѣроятно нывѣшніе татары западныхъ губерній потомки выведенныхъ Витовтомъ въ 1399 году.

Витовъ обратился къ Ягеллѣ и польскимъ панамъ за содѣйствіемъ. Тѣ обрадовались случаю и предложили Витовту подписать актъ, что:

1) Литовскіе: прелаты, князья, паны и шляхты обѣщаются быть за одно съ польскимъ королемъ и государствомъ.

2) Они обѣщаются возвратить Польшѣ всѣ владѣнія Витовта послѣ его смерти.

3) Даютъ клятву признать власть польскаго короля и никого не выбирать въ государя Литвы безъ вѣдома поляковъ.

На съѣздѣ для обсужденія этого договора не было русскихъ представителей; въ самомъ актѣ обходились молчаніемъ русскія области, якобы безправныя, составляющія принадлежность Литвы.

Какъ было упомянуто выше, Смоленяне рассчитывали воспользоваться пораженіемъ у Ворсклы и возстановить у себя Юрія Святославовича, Олегъ Рязанскій явился къ Смоленску въ 1401 году и Юрій занялъ Смоленскій престолъ.

Витовтъ, узнавши объ этомъ, немедленно двинулся къ Смоленску; но взять его не смогъ, поручилъ продолженіе осады Лугвену-Симеону, а самъ возвратился въ Вильну. Смоленскъ сдался Литовцамъ, Витовтъ уничтожилъ самостоятельность Смоленскаго княжества въ 1405 году, хотя предоставилъ Смоленску большія льготы.

Юрій Святославичъ, потерявъ надежду на Смоленскъ, отправился въ Новгородъ Великій. Витовтъ вознегодовалъ на новгородцевъ за пріемъ Юрія, двинулся въ Псковскую область, разорилъ ее и увелъ оттуда 10.000 плѣнныхъ.

Псковъ и Новгородъ обратились къ Московскому великому князю Василию Димитріевичу; тотъ послалъ тестю „размешную грамоту“. Витовтъ разсвирѣпѣлъ, велѣлъ схватить и убить всѣхъ бывшихъ въ его владѣніяхъ московскихъ людей.

Это страшно возмутило русское населеніе Литовскаго государства; всѣ, кто имѣлъ возможность, бѣжали въ Москву.

Въ іюнѣ 1406 г. войска противниковъ тестя и зятя встрѣтились на р. Плавѣ²⁴⁾, до битвы не дошло, было заключено перемиріе.

²⁴⁾ Плава, притокъ Уны, въ Тульской губерніи.

Въ слѣдующемъ году, тѣ же противники встрѣтились у Вязмы и, тоже безъ боя, заключили миръ.

Вслѣдъ за тѣмъ Витовтъ узналъ, что Свидригайло Ольгердовичъ князь Сѣверскій и еще шесть князей удалились изъ его владѣній въ Москву. Онъ пустился на хитрость: съ дороги домой, онъ послалъ Московскому великому князю объявленіе войны, повернулъ войска назадъ и дошелъ до р. Угры.

Василій Дмитріевичъ тоже вернулъ свои войска и обратился къ Витовту о возстановленіи міра; тотъ согласился оставить Псковъ и Новгородъ въ покоѣ, но потребовалъ чтобы р. Угра была границею и чтобы князья, ушедшіе изъ Литвы въ Москву были изгнаны изъ предѣловъ московскаго государства.

Вслѣдствіе перваго условія, все По-очье выше устья Угры отошло къ Литвѣ и границею сдѣлался переваль между бассейнами Оки и Дона,²⁵⁾ иначе говоря *въ 1406 году весь Орловскій край, до По-сосеня, подпалъ подъ владычество Литвы.*

Тевтонцы хотѣли воспользоваться удаленіемъ Витовта и, подъ видомъ своихъ религіозныхъ стрѣмленій, начали употреблять самыя суровыя мѣры къ порабоженію Жмуди, разоренію ея и обезсиленію Польши; а, когда Витовтъ вернулся и взялъ ихъ городъ Мемель, орденъ обратился ко всѣмъ государямъ западной Европы и рыцарямъ другихъ орденовъ, для содѣйствія тевтонцамъ противъ: язычниковъ, сарацинъ и вообще враговъ христіанства, разумѣя подъ нами литовцевъ и русскихъ;²⁶⁾ а въ дѣйствительности для подчиненія своей власти Литовскаго государства.

Узнавши объ этомъ, Витовтъ свидѣлся съ Ягеллою въ Брестѣ, выяснилъ ему общую опасность въ случаѣ успѣха ордена, убѣдилъ въ необходимости совмѣстныхъ дѣйствій, для обезпеченія обоихъ государствъ и уговорился относительно приготовленія къ рѣшительной борьбѣ.

²⁵⁾ Богатый „Колонизація Украины“ стр. 58.

²⁶⁾ Западно-европейскіе хроникеры говорили, что противъ Тевтонцевъ собрались: язычники, весь мосульманскій востокъ отъ Индіи, могущественнѣйшій заволжскій царь, египтяне и мороканцы.

Въ началѣ 1410 года, до Ягеллы дошли слухи, что рыцари предполагаютъ произвести ударъ прежде всего на польскія провинціи и потому предложилъ Витовту сосредоточиться всеѣмъ вмѣстѣ въ Польшѣ.

Въ концѣ іюня, войска Ягеллы и Витовта двинулись къ Торну и оттуда къ устью Вислы, въ составѣ 90 „хоругвей“ (хоругвей, знаменъ), изъ которыхъ каждая считалась въ 200 всадниковъ и 800 пѣхотинцевъ; но въ дѣйствительности составъ ихъ былъ слабѣе, иногда даже вдвое. Изъ числа этихъ 90 знаменъ, было польскихъ 50 и литовско-русскихъ—40.

Каждое знамя составлялось изъ населенія одной какой либо мѣстности; въ числѣ польскихъ были хоругви: чешскія, силезскія, моравскія и русскія: 12-я львовская, 14-я перемышльская, 16-я холмская, 17-я 18-я и 19-я подольскія, 20-я галицкая и семь еще различныхъ русскихъ провинцій. Въ литовской арміи было хоругвей: 4 литовскихъ, 4 жмудскихъ и 32 русскихъ: смоленская, витебская, полоцкая, кievская, брестская, стародубская, кременецкая, пинская, новогрудская, мельницкая; остальные перечислены не отдѣльно по названіямъ мѣстъ, а группами по ихъ предводителямъ, какъ на примѣръ хоругви Сигизмунда-Корибута князя Новгородъ-Сѣверскаго, Симеона-Лугвеня князя Новгорода Великаго;²⁷⁾ по этому можно думать, что знамена: брянское, трубчевское, сѣвское, карачевское, болховское, мценское были, или въ группѣ сѣверской Сигизмунда-Корибута, или со смолянами или составляли особыя группы.

Кромѣ того, при обѣихъ союзныхъ арміяхъ было: небольшое количество плохой артиллеріи, 20.000 конницы и 30.000 конныхъ татаръ литовскихъ и ордынскихъ.

Въ войскахъ ордена было 700 братьевъ-рыцарей, армія ордена въ 50.000 пѣхоты, 30.000 наемныхъ войскъ, разныхъ охотниковъ, фанатиковъ, искателей приключеній 10.000 хорошо вооруженныхъ всадниковъ и лучшая въ то время артиллерія, хотя въ небольшомъ количествѣ.

²⁷⁾ Наибольше точныя указанія находятся въ сочиненіи Dlugosz'a; другіе историки уклонялись отъ какихъ бы то ни было точныхъ указаній о русскихъ войскахъ, но говорили, что русскія хоругви были не полны по составу, хотя едва ли это было вѣрно.

Ночь съ 14 на 15 іюня была очень бурная съ грозою, утро наступило дождливое, но къ полудню проглянуло солнце.

Польскія и литовско-русскія войска почевали въ лѣсистой мѣстности, южнѣе селеній Грюнвальда и Таненберга. Правую сторону занимали литовцы, центръ—русскіе, лѣвый флангъ—поляки. Оба фланга были прикрыты болотами, рѣчками и вообще неудобопроходимыми мѣстами.

Съ утра всѣ эти войска построились тамъ же, гдѣ почевали, въ три линіи знаменъ: передовую, главную и запасную, составлявшими исходящій тупой уголъ въ срединѣ. Каждая хоругвь была построена клинообразною колонною („пяткомъ“, „свинью“); при чемъ въ переднемъ углу было знамя, подъ прикрытіемъ лучшихъ людей „подхоругвенныхъ“, по бокамъ находились всадники, а внутри—пѣхота.

Войска ордена были расположены по холмамъ у деревень Таненберга и Грюнвальда и, съ утра, ждали нападенія непріятеля. Недождавшись этого, маршалъ ордена послалъ къ Ягеллѣ и Витовту два меча съ парламентаремъ, которому поручено было сказать: „Государь и Витовтъ! Магистръ и маршалъ посылаютъ вамъ эти мечи въ помощь, приглашаютъ на битву и просятъ, чтобы вы выбрали мѣсто для того. За чѣмъ вы сидите въ лѣсу? Битва неизбежна!“

Ягелло и Витовтъ отвѣчали: „Мечи принимаемъ, сражаться готовы, выборъ мѣсто предоставляемъ Богу“.

Еще наканунѣ всѣ христіане обѣихъ армій исповѣдывались и причастились. Утромъ 15 Іюля Ягелло приказалъ снова служить литургію, опять исповѣдывался и причастился въ то время когда уже орденскія войска открыли артиллерійскую стрѣльбу. Витовтъ торопиль окончить Богослуженіе Ягеллы и настаивалъ, чтобы кѣроль скорѣе сѣлъ на коня. Когда Ягелло это сдѣлалъ, Витовтъ помчался къ своимъ войскамъ, а Ягелло потребовалъ къ себѣ копелана, чтобы еще разъ исповѣдываться и причистился сидя уже на конѣ. Орденскія войска повели *первую* атаку противъ Литовцевъ. Ударъ буюль очень сильный, рукопашный бой былъ энергичный съ обѣихъ сторонъ; но Литовцы не устояли и стали отступать къ Лаубенскому озеру.

Нѣмцы сочли этотъ успѣхъ за побѣду, заплѣли: „Христосъ воскресъ“, охватили правый русскихъ знамень, даже зашли имъ въ тылъ и повели на нихъ *вторую* атаку съ трехъ сторонъ. Нѣсколько фланговыхъ знаменъ были смяты и истреблены; но Смоляне стойко удержались, дали отпоръ нѣмцамъ и, тѣмъ, ободрили остальныхъ русскихъ; нѣмцы встрѣли отпоръ и были отброшены.

Тогда орденскія войска, подъ начальствомъ магистра, повели *третью* атаку, направившихъ на польскія хоругви, туда, гдѣ онѣ были наиболѣе скучены близъ Ягеллы ²⁸⁾. Одинъ изъ рыцарей узнавъ его, бросился противъ него, но былъ положенъ на мѣсть свитою короля.

Витовтъ, видя, что орденцы не преслѣдуютъ Литовцевъ, поскакалъ къ своимъ русскимъ знаменамъ, быстро оцѣнилъ обстоятельства дѣла, увидѣлъ растерянность Ягеллы, направилъ свои русскія знамена впередъ, такъ, чтобы охватить орденцевъ съ ихъ лѣваго фланга, за тѣмъ направилъ татаръ и конныхъ малороссійскихъ казаковъ изъ-за лѣваго фланга польской арміи къ Грюнвальду и Тапенбергу, для дѣйствія противъ орденцовъ съ-тыла ²⁹⁾.

При третьей атакѣ пали: магистръ ордена *фенъ Юнгенгенъ*, маршалъ орденскихъ войскъ, большая часть командировъ и братьевъ-бѣлоплащниковъ; остальные смѣшались и устрѣмились кто куда могъ, чтобы добраться до лагеря.

Побѣда надъ орденцами была полная. Польскія и русскія войска двинулись къ непріятельскому лагерю, изъ котораго прогнали остатки противника, захватили все его имущество и остались тамъ ночевать ³⁰⁾.

Сколько пало съ той и съ другой стороны въ Грюнвальдскомъ бою не выяснено точно; изъ сопоставленія свѣдѣній, кажется можно полагать, что въ дѣйствительности пало: со стороны орденцовъ: 200 братьевъ-рыцарей и около 40 т. войска, а со стороны союзниковъ—около 50.000 человекъ.

²⁸⁾ Польское королевское знамя было опущено изъ предосторожности.

²⁹⁾ Вотъ почему нѣмецкіе историки приписываютъ Грюнвальдскую побѣду татарамъ.

³⁰⁾ Главнѣйшія указанія о Грюнвальдскомъ боѣ взяты изъ статьи М. О. Коляловича.

Вмѣсто того, чтобы воспользоваться поражениемъ противника и преслѣдовать его остатки, для уничтоженія ордена, Ягелло увлекся торжествами и пышными церемоніями: на слѣдующій день была отслужена торжественная месса въ честь Св. Духа, Св. Троицы и Апостоловъ. За тѣмъ были представлены королю знатные плѣнные и отпущены имъ на свободу на честное слово, что они явятся въ Краковъ ко дню св. Мартына. Послѣ этого Ягелло, приступилъ къ приему трофѣевъ. Трупъ магистра былъ розысканъ, богато одѣтъ и отправленъ въ Маріенбургъ. За тѣмъ Ягелло сталъ писать письма жёнѣ и разнымъ государямъ, съ уведомленіемъ о своей побѣдѣ.

А въ это время, Витовтъ повѣсилъ рыцарей, когда-то непочтительно отзывавшихся о его матери и о немъ и теперь рѣзко ему отвѣчавшихъ.

Такъ союзники оставались на мѣстѣ боя 6 дней и потому, только на десятый день, подошли къ Маріенбургу. За это время командиръ ордена фонъ Плодень успѣлъ: привести въ порядокъ укрѣпленія города, собрать болѣе 5000 гарнизона и вообще приготовиться къ оборонѣ.

Началась осада. Союзники дѣйствовали вяло; осадной артиллеріи у нихъ не было, въ продовольствіи также оказался недостатокъ, явилась болѣзненность.

Магистръ ордена Германъ, собралъ въ окрестностяхъ значительныя военныя силы; вслѣдствіе чего, противъ него двинулся Витовтъ; противники безъ боя вступили въ переговоры; кажется Герману удалось убѣдить Витовта въ опасности для него отъ усиленія Польши; этимъ объясняется то обстоятельство, что Витовтъ сдѣлался бездѣятельнымъ и вскорѣ ушелъ домой со своею арміею; его примѣру послѣдовали другіе и Ягелла нашель невозможнымъ оставаться подъ Маріенбургомъ и, хотя война тянулась еще около года, но окончилась Торненскимъ миромъ (1140 г.) почти безъ всякихъ выгодъ для союзниковъ, хотя дѣло могло быть легко окончено полнымъ уничтоженіемъ ордена и большими матеріальными выгодами для побѣдителей. Что касается до нравственныхъ результатовъ, то:

1. По мнѣнію С. Соловьева, „Грюнвальдская битва была одною изъ тѣхъ, которыя рѣшаютъ судьбы народовъ: слава

и сила ордена погибла окончательно; покорители Пруссовъ рыцари встрѣтили громадное ополченіе трехъ сосѣднихъ народовъ восточной Европы, предъ которыми сила, мужество и искусство рыцарей оказались недостаточными; военное братство, существовавшее для борьбы съ невѣрными не имѣло больше цѣли, а потому и средствъ; силы его поникли предъ соединенными силами трехъ христіанскихъ народовъ... послѣ Грюнвальдскаго боя существованіе ордена было только его агоніею“.

2. Иловайскій высказываетъ, что „эту битву выигралъ, не какой нибудь полководецъ, а побѣда была одержана славянскимъ ополченіемъ. Не велики были матеріальныя выгоды побѣдителей, въ сравненіи съ тѣмъ, что могла дать побѣда при Грюнвальдѣ, за то моральныя послѣдствія были громадны. Въ этомъ отношеніи Грюнвальдскій бой можно сравнивать съ Куликовскою битвой“.

3. М. О. Кояловичъ говоритъ, что „Грюнвальдскій бой былъ какъ бы воспроизведеніемъ Куликовской битвы и на нее походилъ, не только объединеніемъ громадныхъ и разнородныхъ силъ, важностью исторической задачи, но и ходомъ своимъ. Начался онъ также неудачно для литовскихъ и славянскихъ силъ, жизнь Ягеллы была въ опасности; многимъ казалось что все погибло. Но устояли и выдержали всѣ удары русскіе полки, особенно доблестные Смоленяне; они дали возможность спасти дѣло. Рыцари понесли страшное пораженіе, отъ котораго не могли уже оправиться; оправились только преобразовавшіеся потомки ихъ Пруссаки, при благодушномъ вниманіи своихъ прежнихъ враговъ Поляковъ, а потомъ и Русскихъ“.

4. Смѣю думать, что Грюнвальдскою битвою, Славяне дали отпоръ нѣмецкому стрѣмленію овладѣть восточною Европою (Drang nach Osten). Въ этой битвѣ, гордые своимъ превосходствомъ Тевтоны, были вынуждены склониться предъ восходящею силою Славянства, требующаго свободы жизни и развитію.

Въ этомъ отношеніи Грюнвальдскій бой сильно напоминаетъ Полтавскій бой.

Кромѣ того, въ Грюнвальдскомъ бою выяснилось, что Литовцы, кичливые своими недавними завоеваніями и бое-

вами удачами, бѣжали къ Лаубенскому озеру; Поляки, гордые своимъ кричащимъ блескомъ и задоромъ, оказались также смятыми, и тѣхъ и другихъ выручило изъ бѣды, предоставило имъ побѣду и боевые трофеи невзрачное, сермяжное русское ополченіе, пренебрегаемое заносчивыми своими сосѣдями. Получилась какъ бы цѣлая программа послѣдующей исторической жизни тѣхъ же народовъ.

Предки нынѣшнихъ: Брянцевъ, Трубчевцевъ, Сѣвцовъ, Карачевцевъ, Болховцевъ, Мценянъ, Орловцевъ, Кромичей и Дмитровцевъ были участниками въ Грюнвальдскомъ бою. Были ли они въ числѣ тѣхъ правофланговыхъ знаменъ, которыя были уничтожены вслѣдъ за обращеніемъ въ бѣгство Литовцевъ, или въ числѣ тѣхъ, которые, вмѣстѣ со Смоленцами, дали главный отпоръ, или же имъ принадлежитъ честь обращенія въ бѣгство орденцевъ,—рѣшить нѣтъ возможности по недостаточности частныхъ данныхъ, приводимыхъ польскими историками, игнорировавшими все что касалось русскихъ войскъ и не касавшихся польскаго тщеславія.

Такъ или иначе, предки Орловцевъ, собою и своими дѣйствіями, вмѣстѣ со Смоленцами, Черниговцами и другими, оказали главную услугу дѣлу отпора нѣмецкому натиску, а можетъ быть и порабоженію подобно Ливонцамъ и Эстамъ.

Послѣ Грюнвальдскаго боя, отношенія между Ягайлою и Витовтомъ сдѣлались еще болѣе дружественными и они рѣшились съѣхаться, чтобы выработать актъ уніи Литвы съ Польшею.

На сеймѣ, собранномъ съ этою цѣлью въ *Городль*³¹⁾ въ 1413 году, съѣхались все вьнуки Гедимина, польскіе и литовскіе магнаты-католики, не было только русскихъ и вообще православныхъ. Такъ были оцѣнены истинные вершители недавняго Грюнвальдскаго боя.

Сущность акта Городельской уніи заключалась въ слѣдующемъ:

I. Если Ягайло умретъ бездѣтнымъ (тогда у него не было дѣтей), то Поляки, вмѣстѣ съ Витовтомъ и литовцами католиками, изберутъ ему преемника на польскій престолъ;

³¹⁾ Люблинской губерніи, на р. З. Бугъ.

если же умереть бездѣтнымъ Витовтъ (тогда у него не было дѣтей), то литовцы-католики, вмѣстѣ съ Ягайлою и коронными совѣтниками, выберутъ ему преемника.

II. Литовскіе дворяне-католики имѣютъ право получать гербы родовыхъ дворянъ поляковъ-католиковъ и пользоваться всѣми правами и привилегіями послѣднихъ.

III. Литовцамъ разрѣшается имѣть свой сеймъ и свои административныя мѣста, на подобіе польскихъ; но съ условіемъ, чтобы русскіе православные не допускались ни на сеймы ни въ какія либо должности.

IV. Для разсужденія о дѣлахъ, касающихся интересовъ обоихъ государствъ, поляки и литовцы должны сѣзжаться на общіе сеймы въ Люблинѣ или въ Парчевѣ.

Этотъ актъ, произведеніе тонкаго дипломатическаго искусства поляковъ,³²⁾ представляетъ какъ бы полное уравненіе правъ литовцевъ съ поляками; но въ сущности сопоставлялъ горсть литовцевъ массѣ задорныхъ поляковъ; право приписки къ польскимъ гербамъ оказалась ловушкою литовцевъ въ тенѣта польскаго панства, средствомъ къ развитію между литовцами польскаго мишурнаго тщеславія, а за тѣмъ и сильнымъ средствомъ къ ополяченію высшихъ, а потомъ и среднихъ родовъ литовцевъ, а за тѣмъ и русскихъ, съ переходомъ ихъ въ католицизмъ.

Почему Витовтъ не воспротивился такой несправедливости акта? Не увидѣлъ ли онъ, что русскій элементъ, показавшій въ Грюнвальдскомъ бою свою мощь не вполне безопасенъ для сосѣдей и по тому выгоднѣе держать его въ черномъ тѣлѣ?

Еще Ольгердъ стрѣмился къ тому, чтобы отдѣлить православное духовенство и населеніе его государства подалше отъ Московской митрополіи. Витовтъ добивался того же, судучи въ борьбѣ съ великимъ княземъ Василиемъ Дмитріевичемъ. Въ 1408 году онъ послалъ въ Константинополь полоцкаго епископа Θεодосія, чтобы тамъ посвятили его въ санъ митрополита, для церкви западно-русской, послѣ смерти московскаго митрополита Кипріяна.

Миръ съ Василиемъ Дмитріевичемъ устранилъ это требованіе.

³²⁾ Видимо іезуитическія стрѣмленія были присущи полякамъ и до появленія къ нимъ іезуитовъ.

Послѣ гародельскаго съѣзда, Витовтъ, подѣ новымъ вліяніемъ поляковъ, запретилъ московскому митрополиту Фотію объѣзжать западно-русскія его епархіи; потомъ приказалъ не выдавать Фотію доходовъ съ митрополичьихъ имѣній въ западной Руси, удалилъ изъ этихъ имѣній управляющихъ митрополита и посадилъ вмѣсто нихъ своихъ довѣренныхъ свѣтскихъ лицъ и, наконецъ, выбралъ монаха грека Григорія Цимвлака, человѣка очень умнаго, прекраснаго оратора, котораго послалъ въ Константинополь въ 1415 году, для посвященія въ митрополиты. Но и на этотъ разъ цѣль не была достигнута.

На слѣдующій годъ, Витовтъ собралъ въ Новгородкѣ православныхъ епископовъ литовскаго государства: полоцкаго, брянско-черниговскаго, луцкаго, владимірь-волинскаго, холмскаго, туровскаго и смоленскаго, предложивъ имъ отдѣлить западно-русскую церковь отъ московской митрополіи. Эти епископы, послали Фотію посланіе: „Такъ какъ ты поступаешь не по правиламъ апостольскимъ и отеческимъ и при томъ совершилъ одно дѣло, за которое долженъ подлежать изгнанію и которое мы не объявляемъ, чтобы тебя не посрамить, по этому мы тебя больше не признаемъ“³³⁾.

За тѣмъ, эти епископы провозгласили Григорія Цимвлана митрополитомъ Литовско-русскимъ. Витовтъ издалъ окружную грамоту, въ томъ смыслѣ, что все это „сдѣлано изъ желанія добра православію“.

Митрополиту было предоставлено мѣсто жительства въ Новгородкѣ (Новогрудкѣ) и въ Вильнѣ, съ церковью тамъ Успенія Божьей Матери (Пречистенскій соборъ).

Достигнувъ такимъ образомъ выдѣленія западно-русской церкви, Витовтъ началъ стрѣмиться къ соединенію этой церкви съ католичествомъ. Съ этою цѣлью, онъ началъ переговоры съ греческимъ императоромъ Мануиломъ и предлагалъ устроить все дѣло на Константскомъ соборѣ (1414—1418); но этотъ императоръ и митрополитъ Цимвлакъ опоздали на соборъ; а, вслѣдъ за тѣмъ Цимвлакъ умеръ и Витовтъ помирился съ митрополитомъ Фотіемъ, попросилъ его въ Вильну, принялъ его тамъ торжественно, какъ ка-

³³⁾ Брянцевъ „Исторія Литовскаго Государства“ стр. 251.

жется, имѣя въ виду порвать связь свою съ Польшею,³⁴⁾ въ надеждѣ на присылку ему королевской короны Германскимъ Императоромъ.

При Витовтѣ Литва достигла наибольшихъ продѣловъ: съ юга она ограничилась Чернымъ моремъ, съ востока Днѣпромъ, Ворсклою, верховьями Сейма и Оки, Окско-Донскимъ переваломъ до р. Упы, за тѣмъ устьемъ Угры, г. Ржевомъ и верховьями р.р. Зап. Двины и Великой; отсюда граница проходила, чрезъ Двинскъ, къ Мемелю; отъ него къ Юрбургу, Нѣманомъ и Бобромъ къ Бресту; далѣе Зап. Бугомъ и, чрезъ Хотинъ, по Днѣстру.

Литовцы и русскіе избрали своимъ княземъ брата Ягайлы *Свидригайлу* Ольгердовича князя Брянско-Сѣверскаго.

Такой выборъ крайнѣ не понравился Полякамъ и ихъ сторонникамъ; но Свидригайло быстро явился въ Вильну, занялъ ея замокъ и Ягайло призналъ его избраніе.

Свидригайло, перешедшій изъ православія въ католичество при вступленіи Ягайлы на польскій престолъ, теперь снова перешелъ въ православіе съ именемъ Льва и сталъ окружать себя русскими, покровительствовать всему русскому и противодѣйствовать полякамъ.

Онъ, прожившій почти всю жизнь въ: Брянскѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ и Черниговѣ, женатый на тверской княжнѣ, весьма сочувствовалъ русскимъ. Умный, очень красивый и симпатичный, онъ пользовался расположеніемъ русскихъ, далъ имъ возможность пользоваться гражданскими правами вполне, а русскимъ областямъ предоставилъ условія политическаго состояніи и самостоятельности.

Поляки были этимъ возмущены, а Ягайло потребовалъ отъ Свидригайлы:

- а) признанія Подоліи за Польшею,
- б) уступки Польшѣ Волыни и
- в) прибыть немедленно въ Краковъ, для принесенія торжественной присяги въ ленной зависимости отъ Польши.

Въ отвѣтъ на это, Свидригайло далъ страшную пощечину посланцу и началъ готовиться къ войнѣ съ Польшею.

Узнавши объ этомъ, Ягайло отправилъ новое посольство. Посланецъ, не только получилъ пощечину, но и былъ брошенъ въ тюрьму.

³⁴⁾ Опираясь на зятя В. К. Московскаго.

Началась страшная война, въ которой противники соперничали въ жестокостяхъ. Все бѣжало спасаться въ лѣсахъ и болотахъ, гдѣ и гнбло.

Поляки стали просить перемирія и предложили съѣхаться въ Парчевѣ (Люблинской губ.), для заключенія мира. Свидригайло не согласился; тогда поляки предложили съѣхаться въ Вильнѣ. Свидригайло-Левъ пріѣхалъ къ семейству въ Ошмяны; туда, въ глубокую осень 1432 года, явился съ войскомъ Сигизмундъ Кейстуновичъ, Свидригайло бѣжалъ въ Витебскъ, а Сигизмундъ занялъ Литовскій престоль.

По словамъ русскаго лѣтописца, Сигизмундъ былъ „лють, немилостивъ, сребролюбивъ больше всѣхъ на свѣтѣ. Сколько онъ истребилъ князей: однихъ потопилъ, другимъ головы отрубилъ; а какое множество пановъ и земскихъ людей извелъ со свѣта безъ всякой вины и перечислить нельзя“. Его всѣ ненавидѣли; это помогло Свидригайлѣ три раза собирать войска изъ Смоленянь, Сѣверянъ и Бѣлоруссовъ, но всѣ три раза Сигизмунду удавалось наносить Свидригайлѣ пораженія въ 1432, 1433 и 1435 годахъ³⁵⁾.

Сигизмундъ за такое содѣйствіе такъ ожесточился на русскихъ, что Ягайло счелъ необходимымъ, съ одобренія папы, издать указъ о „строгомъ воспрещеніи грабить и разрушать русскія церкви и насильно обращать православныхъ въ католичество“.

Ягайло умеръ въ 1434 году и Сигизмундъ, этотъ руссо-ненавистникъ, братъ Московской великой княгини, отмѣнилъ запрещенія Ягайлы и снова сталъ неистовствовать противъ русскихъ. Составился заговоръ подъ руководствомъ Александра Черторыйскаго и Сигизмундъ былъ убитъ въ 1440 году³⁶⁾.

Немедленно были освобождены массы людей находившихся въ тюрьмахъ, подземельяхъ, каменныхъ мѣшкахъ и т. п.

На литовскій престоль былъ избранъ Владиславъ, незадолго предъ тѣмъ избранный на польскій престоль. Но вмѣсто Владислава, въ Вильну явился братъ Владислава Казиміръ, въ качествѣ намѣстника.

³⁵⁾ „Псковская лѣтопись“ стр. 64, 66 и 70.

³⁶⁾ Тамъ же стр. 72.

Литовцы приняли его ласково; но заявили, что они примутъ его только какъ самостоятельнаго князя и, не смотря на противодѣйствіе поляковъ, Казимира короновали въ Вильнѣ въ кафедральномъ соборѣ св. Станислава.

Поляки увидѣли свой промахъ и потому предложили королю Владиславу:

а) привлечь на свою сторону русскихъ, издавши указъ о сравненіи православныхъ съ католиками;

б) ослабить Литву раздѣливши ее на 4 части и

в) назначить по этому въ Подолію и Воынь—Свидригайлу; Смоленскую, Брянскую и Сѣверскую области отдать подъ управленіе Михаила Сигизмундовича; Брестскую и и Бѣлорусскую области предоставить Болеславу Мозовецкому, а остальные части оставить подъ властью Казимира Ягелловича.

Такой проектъ не могъ быть исполненъ; но возбудилъ борьбу между намѣченными кандидатами и вынудилъ Казимира двинуться къ Смоленску, чтобы удержать его подъ своею властью. Это ему удалось осенью 1443 г., чѣмъ успокоились и остальные претенденты.

М. О. Кояловичъ говоритъ, что въ правленіе Казимира съ 1440 по 1447 г. возродился русскій бытъ полнѣе даже чѣмъ при Свидригайлѣ-Львѣ. Русскіе люди, русскій языкъ, русскіе порядки и православіе получили подобающее значеніе.

Все успокоилось и Литовцы и Русскіе стали помышлять о прекращеніи зависимости отъ Польши; а Казимиръ вздумалъ претендовать за взятіе Іоанномъ III Новгорода и, съ этою цѣлью, онъ, съ 7000 войска, вторгся въ предѣлы Московскаго государства въ 1445 году, дошелъ до р. Суходравы (впадающей въ Шипу притокъ Угры), гдѣ встрѣтилъ войска Іоанна и, безъ боя, вступилъ въ переговоры о мирѣ, закончившіяся договоромъ 1449 года.

10 ноября 1445 года польскій король Владиславъ, братъ Казимира, былъ пораженъ пулею подъ стѣнами Варны. Сеймъ избралъ на польскій престолъ Казимира; онъ согласился принять избраніе, давши Литовцамъ клятву не подчинять Литву Польшѣ. На сѣздѣ въ Парчевѣ подтвердилъ эту клятву публично и 26 іюня 1447 года былъ коронованъ въ Краковѣ.

Сдѣлавшись королемъ, Казиміръ подпаль подъ вліяніе поляковъ, совершенно перемѣнился и сталъ дѣйствовать враждебно русскимъ. Этимъ онъ лишился симпатій русскихъ, не приобрѣтя довѣрія поляковъ. Они, въ рядѣ сеймовъ, доходившихъ до скандаловъ, требовали отъ Казиміра установить окончательно подчиненіе Литвы Польшѣ и присоединить Подолію и Воынь къ Польшѣ (Петроковскій сеймъ 1447 и Любинскій 1448 г.).

Сеймъ не состоялся, ни въ 1452, ни въ 1453 годахъ, за неприбытіемъ представителей Литвы и Казиміръ, подъ угрозой сверженія съ престола, подписалъ требуемый отъ него актъ.

Это сильно возмутило литовцевъ и русскихъ бояръ; они начали составлять отряды подъ руководствомъ Гаштовта, бывшаго воспитателя Казиміра.

Поляки уговорили короля отправиться въ Вильну, чтобы ласками, обѣщаніями и подарками успокоить умы. Казиміръ сдѣлалъ это и издалъ указъ, на русскомъ языкѣ, подъ названіемъ „*Земской привилегіи*“, которымъ православные и русскіе сравнивались съ католиками-поляками, кромѣ права выѣзда за границу и самовластнаго распоряженія подвластными имъ людьми.

Но все это оказалось обманомъ и Казиміръ пригласилъ болгарина *Григорія* митрополитомъ Западной Руси. Григорій этотъ, будучи въ Римѣ, подписалъ проектъ религіозной уніи, предложенный папою Климентомъ III.

Это возбудило новыя волненія въ средѣ православныхъ, которые стали стрѣмиться къ избранію на литовскій престолъ правнука Ольгерда *Симеона Олельковича*, князя Кіевскаго, вассала Казиміра. Но этотъ заговоръ распался, вслѣдствіе смерти руководителя его Гаштовта и Юрія Острожскаго; а, въ то же время, съ прибытіемъ въ Литву митрополита уніята Григорія, по всему литовскому государству разсѣялись католическіе: прелаты, ксендзы и монахи различныхъ орденовъ, пропагандировавшіе единеніе церквей подъ главенствомъ папы.

Историки Нарбутъ и Крашевскій указываютъ на возмутительные поступки этихъ пропагандистовъ, для достиженія ихъ цѣлей³⁷⁾.

³⁷⁾ Нарбутъ т. III стр. 469.—Крашевскій т. I стр. 162—175.

Православные, увидѣвши такую систему католическаго духовенства, стали устраивать церковныя общества и братства, которыя организовали свои: училища, больницы, богадѣльни, страннопріимные дома и т. п.

Черезъ десять лѣтъ, Казиміръ доносилъ папѣ, что „унія въ Литвѣ не имѣетъ никакого успѣха, а схизма усиливается“ и потому онъ проситъ прислать въ Вильну монаховъ Бернардинскаго ордена. Такіе монахи прибыли туда въ 1469 г.; но и имъ мало удалось измѣнить дѣло.

Въ 1471 году умеръ кievскій князь Симеонъ Олельковичъ, искренній приверженецъ русской народности и православія. Этимъ воспользовался Казиміръ, упразднилъ кievское княжество, обратилъ его въ намѣстничество и началъ систематическое преслѣдованіе православныхъ.

Организовался заговоръ; но онъ не только не поправилъ дѣло, но, на оборотъ, послужилъ поводомъ къ большому еще гнету и преслѣдованіямъ, заставившихъ бѣжать въ Москву многихъ русскихъ, въ томъ числѣ князей: Ивана Михайловича и Дмитрія Федоровича Воротынскихъ, Ивана Перемышльскаго, Ивана, Андрея и Василя Бѣльскихъ, съ ихъ *отчинами*, а первый и съ захваченными имъ по пути Серпѣйскомъ и Мещовскомъ.

Это вызвало непріязненныя дипломатическія сношенія Казиміра съ великимъ княземъ Іоанномъ III, а за тѣмъ и разрывъ.

Казиміръ вздумалъ предложить хану Золотой орды Ахмату содѣйствовать къ восстановленію его владычества надъ восточною Русью. Іоаннъ предупредилъ это направивъ Менгли-Гирея крымскаго на южные предѣлы литовско-польскаго королевства, а на претензіи Казиміра по поводу ухода въ Москву русскихъ написалъ ему: „перешедшія князья служили моимъ прародителямъ и теперь только вернулись на службу къ своему законному государю“.

Этимъ Іоаннъ высказалъ, что онъ признаетъ всѣхъ русскихъ удѣльныхъ князей подданными Московскаго государства. Въ то же время, онъ сталъ готовиться къ войнѣ и предложилъ Менгли-Гирею сдѣлать нападеніе на Польшу и Литву.

Въ это время умеръ польскій король Казиміръ и на польскій престолъ былъ избранъ его сынъ Янъ Альбретъ, а литовскимъ княземъ второй сынъ Казиміра Александръ.

Военныя дѣйствія начались тѣмъ, что московскій воевода Оболенскій напалъ на Любутскъ и Мценскъ, другой отрядъ занялъ Хлѣпень и Рогачевъ, а крымцы очутились между Кіевомъ и Черниговомъ.

Литовцы увидѣли невозможность противодѣйствовать Иоанну и стали хлопотать о бракѣ Александра съ дочерью Иоанна Еленю, за которую уже сватался императоръ нѣмецкій, какъ за богатѣйшую невѣсту, славившуюся своею красотою и прекраснѣйшимъ нравомъ³⁸⁾.

Иоаннъ принялъ литовскихъ пословъ ласково, но заявилъ что о сватовствѣ не можетъ быть рѣчи, пока идетъ война, а миръ возможенъ только при выполненіи Литовскимъ великимъ княземъ его требованій.

Переговоры затянулись, а въ это время военныя дѣйствія продолжались: Серпѣйскъ и Мещовскъ переходили два раза изъ рукъ въ руки, взята Вязьма, перешли на службу къ Иоанну со своими областями князья: Новосильскіе, Одоевскіе, Бѣлевскіе, Мезецкіе.

Александръ прислалъ „большихъ“ пословъ о мирѣ и договорѣ, чтобы Иоаннъ выдалъ за него свою дочь, „дабы жить въ мирѣ, какъ было при Витовтѣ“.

Иоаннъ предложилъ посламъ проектъ „договорной грамоты“, начинающейся такъ: „Иоаннъ, Божіею милостію, государь всея Руси и великій князь Владимірскій и Московскій и Новгородскій и Псковской и Тверской и Болгарскій и иныхъ великому князю Александру Литовскому“.

Признаніемъ такого титула устанавливалось законное право Иоанна III на обладаніе всеми русскими областями, а Александръ только государемъ Литвы и какъ бы временнымъ владѣльцемъ западно-русскихъ областей³⁹⁾.

Поляки и Литовцы возмутились, встревожились и рѣшились оказать полное противодѣйствіе Иоанну: но онъ объявилъ, что если Александръ не дастъ грамоты по предложенной формѣ, то онъ не выдастъ за него дочери⁴⁰⁾.

³⁸⁾ Трачевскій „Исторія Россіи“ т. I стр. 253.

³⁹⁾ С. Соловьевъ „Исторія Россіи“ т. V стр. 144.

⁴⁰⁾ Тамъ же стр. 150.

Угроза подѣйствовала и въ январѣ 1495 года пріѣхало новое посольство, которое заключило договоръ по всей волѣ Іоанна Васильевича, а именно:

- 1) признается его титулъ;
- 2) уступается ему все, что занято русскими войсками;
- 3) признаются подданными Іоанна всѣ тѣ, кто перешелъ къ нему
- и 4) Княжнѣ Еленѣ предоставляется полная свобода вѣроисповѣданія, если она вступитъ въ бракъ съ Александромъ.

Кромѣ того, Александръ обѣщаль устроить Еленѣ православную церковь во дворцѣ; но это обѣщаніе онъ не исполнилъ ссылаясь на прежнія постановленія о воспрещеніи строить въ Вильнѣ православныя храмы.

13 января 1495 года, Іоаннъ отслушавъ литургію въ Успенскомъ соборѣ, подозвалъ литовскихъ пословъ и у дверей храма передать имъ дочь; при чемъ дать ей самыя подробныя указанія на всякіе случаи; особенно же требоваль не уклоняться изъ православія въ католицизмъ и даже не посѣщать католическія церкви.

Великая княжна была встрѣчена женихомъ за три версты до Вильны; онъ былъ верхомъ на лошади; отъ его коня до „топканы“ (экипажа) Елены послали красное сукно а у дворець топканы—камку; Елена вышла, за нею вышли боярыни, Александръ въ то же время сошелъ съ лошади, подошелъ къ Еленѣ, подалъ ей руку, принялъ къ себѣ, спросилъ о здоровьѣ и велѣлъ пойти въ топкану; потомъ, подавъ руку боярынямъ, сѣлъ на коня и всѣ вмѣстѣ вѣхали въ городъ⁴¹⁾. У Пречистенскаго виленскаго собора Елену встрѣтилъ исполнявшій обязанности митрополита Макарій⁴²⁾.

Въ тотъ же день происходило вѣнчаніе въ католическомъ соборѣ епископомъ Шаборомъ, при чемъ въ вѣнчаніи принималъ участіе прибывшій съ Еленою священникъ Тома, а княгиня Марья Ряполовская держала вѣнецъ надъ Еленою.

⁴¹⁾ Тамъ же стр. 151.

⁴²⁾ Впослѣдствіи священно-мученикъ. Онъ принялъ отъ Елены образъ Божьей Матери благословеніе родителей. Этотъ образъ въ настоящее время находится въ храмѣ Св. Троицкаго виленскаго монастыря и удивляетъ всѣхъ своимъ богатствомъ и прекраснымъ исполненіемъ.

Этотъ бракъ, не только не улучшилъ отношеній Іоанна къ Александру, но подалъ новые поводы къ неудовольствіямъ. Видимо въ Литву вошла зараза противорѣчія слова съ дѣломъ: кромѣ упомянутаго выше отказа Александра построить церковь во дворцѣ, онъ удалилъ отъ Елены прибывшихъ съ нею изъ Москвы ея приближенныхъ, вопреки доводора, сталъ употреблять мѣры къ склоненію Елены въ католицизмъ и, въ перепискѣ съ тестемъ, пересталъ употреблять титулъ „Государя всея Руси“.

Ко всему этому присоединилось преслѣдованіе православія въ литовскомъ государствѣ; за тѣмъ съ разрѣшенія Александра, подъ покровительствомъ Кіевскаго митрополита Іосифа I, принявшаго унію, снова стали разбѣзжать массы католическихъ ксендзовъ, для склоненія русскихъ къ переходу въ католицизмъ; правительство стало закрывать православныя церкви, а защитниковъ ихъ сажать въ тюрьмы. Все это творилось именемъ буллы папы Александра Борджія, точно папская власть была установлена надъ православными Руси.

Все это не могло не вызвать стрѣмленій русскихъ къ соединенію съ Московскимъ государствомъ, тѣмъ болѣе, что прежняя причина отстраненія отъ нея, т. е. татарское иго, была устранена: всѣ, кто только имѣлъ возможность, стали уходить въ Москву; при чемъ удѣльные князья переходили на службу Іоанна со своими областями и, такимъ образомъ, соединились съ восточною Русью волости: Черниговская, Стародубская, Гомельскля, Любечская, Новгородъ-Сѣверская, Рыльская, Путивльская, Брянская и Сѣвская.

Это послужило толчкомъ къ возобновленію борьбы между Іоанномъ и Александромъ. Въ началѣ 1500 года, московскія войска, подъ начальствомъ Магометъ-Аминя, царевича казанскаго, Кашина и Щени, двинулись въ Литву, заняли: Серпѣйскъ, Масальскъ, Брянскъ, Путивль и тогда была объявлена война Литвѣ.

Это поразило Александра и его приближенныхъ,—начались: сеймы, сѣзды, споры, борьба по поводу выбора главнокомандующаго. Наконецъ остановились на князѣ Константиѣ Ивановичѣ Острожскомъ.

Близъ Дорогобужа произошла встрѣча противниковъ; 14 іюня 1500 года произошелъ бой у *Ведроша* между войсками Щени и Острожскаго. Литовцы были разбиты совершенно, около 8000 ихъ пало на мѣстѣ, болѣе 5000 взято въ плѣнъ, въ томъ числѣ кн. Острожскій, множество маршалковъ, пановъ и т. п.; сверхъ того еще много погибло при преслѣдованіи.

14 ноябрю литовцы были снова поражены у Мстиславля. Вслѣдъ за тѣмъ на Литву напали Менгли-Гирей крымскій и Стефанъ господарь молдавскій.

Александръ обратился къ своимъ братьямъ королямъ польскому и чешскому⁴³⁾. Они побоялись бsrьбы съ Іоанномъ и только послали къ нему посольство съ просьбами о примиреніи. На это Іоаннъ отвѣтилъ: „угрозъ вашихъ не боюсь, помогайте неправому дѣлу, а я надѣюсь на Бога и на свою справедливость, а „если его зять пришлетъ за миромъ, то онъ съ нимъ миру хочетъ, какъ будетъ пригоже“⁴⁴⁾.

Александръ прислалъ посольство и, кромѣ того, папа Александръ VI ходатайствовалъ о примиреніи Іоанна съ зятемъ, въ виду необходимости противодѣйствія всего христіанскаго міра туркамъ.

Іоаннъ отвѣтилъ папѣ: „мы, съ Божьею помощью, какъ напередъ того за христіанство противъ поганства стояли, такъ и теперь стоимъ“. За тѣмъ перечисливъ недоразумѣнія съ Александромъ, Іоаннъ оканчиваетъ посланіе: „Русская земля отъ нашихъ предковъ, изъ старины наша отчина, что, для свойства уступили свои вотчины; но когда зять нашъ не сталъ соблюдать договора, то намъ зачѣмъ же свою отчину покидать и за нее не стоять?“

Елена прислала отъ себя своего канцлера, съ письмомъ которое оканчивается такъ: „всеъ одно только говорятъ: для того онъ отдалъ дочь свою въ Литву, чтобы тѣмъ удобнѣе земли и людей высмотрѣть..... помяни Бога ради меня, служебницу свою и кровь свою, оставь гнѣвъ несправедливый и нежитъ съ сыномъ и братомъ своимъ .....Смилуйся, возьми по старому любовь и дружбу съ братомъ и зятемъ сво-

⁴³⁾ С. Соловьевъ „Исторія Россіи“ т. V стр. 166—168.

⁴⁴⁾ Тамъ же стр. 170 и Акты относящіеся до исторіи Западной Россіи I № 186, 187.

имъ“⁴⁵⁾ Въ томъ же смыслѣ Елена писала матери и двумъ братьямъ.

Въ это время умеръ польскій король Янъ-Альбертъ, Александръ самъ предложилъ себя въ польскіе король, на условіе соединенія Литвы съ Польшею.

Сеймъ собрался въ Петроковъ и предложилъ Александру польскую корону по договору:

1) Литва соединяется съ Польшею на вѣчныя времена, подъ скипетромъ одного короля.

2) Эготъ король избирается на общемъ сеймѣ.

3) Дворяне польскіе и литовскіе пользуются одинаковыми правами.

4) Законы и уставы будутъ общіе для обѣихъ половиць.

Такимъ образомъ, въ 1500 году, состоялось закрѣпленіе Литвы съ Польшею, актомъ по внѣшнему виду, какъ и прежніе, уравнивающіе все, а въ дѣйствительности закрѣплявшимъ и Литву и короля въ кобалу, не только польскихъ прелатовъ, магнатовъ и пановъ, но и шляхтъ, такъ какъ, съ этого сейма, получило свою силу пресловутое „*liberum veto*“ и сталь господствовать такой государственный строй, что многіе юристы начали считать „*Посполитое рушенье*“ республикою.

Всѣ эти обстоятельства отвлекли все вниманіе Александра; онъ не принималъ никакихъ мѣръ къ умиротворенію тестя, только просилъ хана Золотой орды Шахъ-Ахмата дѣйствовать противъ Москвы, а тевтонскій орденъ—противъ Пскова. Но и Ахматъ и рыцари были разбиты въ 1502 году войсками Іоанна,⁴⁶⁾ а Менгли-Гирей и Стефанъ Молдавскій снова явились въ предѣлахъ Польско-литовскихъ.

Наконецъ Александръ отправилъ къ Іоанну большихъ пословъ и, при содѣйствіи венгерскаго посла, было заключено перемиріе на шесть лѣтъ, до 25 марта 1509 года.

⁴⁵⁾ Тамъ же стр. 171 и акты экспедиціи I № 138.

⁴⁶⁾ По словамъ псковскаго лѣтописца, рыцари были разбиты кн. Оболенскимъ у Гамельмеда при р. Великой; при чемъ русскіе гнали рыцарей 10 верстъ и „сѣкли ихъ не свѣтлыми саблями, а какъ свиней кололи шестоперами“.

За тѣмъ рыцари понесли еще большее пораженіе на берегахъ озера Смолени.

По договору объ этомъ перемиріи Александръ обязался не трогать земель: Московскихъ, Новгородскихъ, Псковскихъ, Рязанскихъ, Пронскихъ, уступалъ земли князей: Семена Стародубскаго (Можайскаго), Шемячича, Бѣльскаго, Трубецкихъ, Мосальскихъ, города: Черниговъ, Стародубъ, Путивль, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Гомель, Любечъ, Почепъ, Трубчевскъ, Радогощъ, Брянскъ, Мценскъ, Любутскъ, Серпейскъ, Мосальскъ, Дорогобужскъ, Бѣлую, Торопецъ, Острей⁴⁷⁾.

При этомъ Іоаннь повторилъ посламъ свое требованіе объ устройствѣ церкви для Елены, не принужденіи ея къ оставленію православія и о назначеніи къ ней православныхъ лицъ, такъ въ противномъ случаѣ „мы этого ему не спустимъ“⁴⁸⁾.

Объ этомъ Александръ писалъ папѣ, прося его разрѣшенія жить со ехизматычкою. Такое разрѣшеніе было получено въ 1505 году, съ указаніемъ, что совѣсть его останется совершенно чистою, если онъ употребитъ всѣ возможныя средства, для склоненія Елены къ католицизму.

У Іоанна съ Александромъ происходили непрерывныя прерѣканія: однажды Александръ прислалъ сказать тестю, что пора ему возвратить взятыя у него по перемирному договору области, что ему, Александру, жаль своей отчины.

На это Іоаннь отвѣтилъ, что и ему жаль своей отчины русской земли, которая за Литвою,—Кіева, Смоленска и другихъ городовъ. Въ другой разъ Александръ жаловался на уходъ въ Москву нѣкоторыхъ его подданныхъ, вопреки договора. Іоаннь отвѣчалъ, что эти люди прибыли служить ему добровольно и что они не преступники подлежащіе выдачѣ.

Снова явились интриги, старанія Александра о содѣйствіи ему и папы и Тевтонскаго ордена и Нѣмецкаго Императора; снова возобновились военныя дѣйствія и снова, въ 1503 году, возобновилось перемиріе на шесть лѣтъ.

⁴⁷⁾ При перечисленіи въ договорѣ волостей упомянуты: Карачева, Хотимля, Поповы горы, городища: Снопота, Невля, Ловца (С. Соловьевъ „Исторія Россіи“ т. V стр. 175 и Прим. 403).

⁴⁸⁾ С. Соловьевъ „Исторія Россіи“ т. V стр. 175.

Въ 1505 году умеръ Іоаннъ III, на московскій престоль вступилъ Василій Іоанновичъ, а въ слѣдующемъ году умеръ Александръ и его преемникомъ сдѣлался его братъ Сигизмундъ.

Между Василіемъ и Сигизмундомъ вновь возгорѣлась борьба, которая вынудила Сигизмунда хлопотать о возобновленіи перемирія до 1533 года, съ уступкою Московскому государству Смоленска ⁴⁹⁾.

Послѣ этого новая борьба и новое перемиріе 1537 года и только въ 1542 г. ⁵⁰⁾ былъ заключенъ договоръ о мирѣ.

Такимъ образомъ, можно опредѣлительно сказать, что всѣ части Орловскаго края вошли въ составъ Русскаго государства 25 марта 1503. года, но еще сорокъ лѣтъ онѣ были, или театромъ военныхъ дѣйствій борьбы, возобновлявшейся между Русью и Литвою, или вблизи такого театра, вынося на себѣ, въ той или другой степени, бѣдствія войны.

Костомаровъ говоритъ, что Іоаннъ III былъ человекъ, холодный, разсудительный, неутомимый въ достиженіи цѣли, скрытный и осторожный.

Трачевскій высказываетъ что Іоаннъ былъ одаренъ смѣтливостію и желѣзною волею, расчетливый, осторожный и настойчивый; онъ умѣлъ долго сдерживаться, но никогда не покидалъ разъ задуманнаго дѣла и не стѣснялся въ выборѣ средствъ, которыя отличались утонченною жестокостію. Иванъ былъ недоступенъ чувствамъ; онъ былъ ужасенъ въ гнѣвѣ и заставлялъ трепетать духовенство наравнѣ со всѣми ⁵¹⁾.

Вторая жена Іоанна Софія Палеологъ, добиваясь введенія при московскомъ дворѣ византійскихъ обычаевъ и порядковъ, внушила Іоанну пренебреженіе ко всѣмъ, начиная съ родныхъ князей; а стрѣмясь къ предоставленію престола ея сыну Василю, она достигла того, что даже внукъ Іоанна Дмитрій былъ заключенъ въ тюрьму. Все это вмѣстѣ повело къ тому, что Іоаннъ сдѣлался грозою всѣмъ, почему первый получилъ названіе Грознаго.

⁴⁹⁾ С. Соловьевъ „Исторія Россіи“ т. V стр. 386.

⁵⁰⁾ Карамзинъ „Исторія государства Россійскаго“ т. VIII стр. 52 и примѣч. 123.

⁵¹⁾ Трачевскій „Русская Исторія“ т. I стр. 840.

Новгородъ, Псковъ, ближніе князья: Патрикѣевы, Рязановскіе, Оболенскіе; родные братья Іоанна, князья перешедшіе отъ Литвы всѣ трепетали гнѣва великаго князя, который окружилъ ихъ массою шпионовъ, стрѣмившихся изыскивать обстоятельства для донесеній. При такихъ условіяхъ, многіе стрѣмились удалиться въ Литву; но, благодаря шпионству, Іоанну дѣлалось извѣстнымъ о такихъ намѣреніяхъ и, въ благопріятнѣйшихъ случаяхъ, дѣло оканчивалось опалою или обязательствомъ не уходить подъ поручительствомъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ и подъ вещественнымъ залогомъ⁵²⁾.

Выходы изъ Литвы прекратились, не смотря на то, что тамъ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе, по мѣрѣ усиленія вліянія поляковъ и католическаго духовенства; до такой степени, что слухъ объ отравленіи вдовы Александра, княгини Елены, многимъ представлялся весьма вѣроятнымъ.

Преемники Іоанна Василій и Іоаннъ IV не смягчали положенія дѣлъ и русскій народъ приникъ безмолвно; бояре же и такъ называвшіеся „лучшіе люди“ изводились при малѣйшемъ поводѣ. Борисъ Годуновъ не поправилъ дѣла; но все накопившееся напряженіе пало на его голову и вотъ, кажется, объясненіе того страннаго вліянія на умы, которое такъ благопріятно проявилось для 1-го Самозванца, особенно же въ мѣстахъ, бывшихъ подъ владычествомъ Литвы: Сѣвскъ, Камаринская волость; а за тѣмъ, Рыльскъ, Кромь и Орелъ выказали странное на первый взглядъ сочувствіе самозванцу.

Кончилась несчастная пора лихолѣтья, на Русскій престолъ вступилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, но успокоеніе замедлилось еще, особенно тѣмъ, что, избранный въ трудную минуту Владиславъ явился съ отрядомъ Ходкевича почти къ самой Москвѣ; явились и Черкасы со своимъ гетманомъ Сагайдашнымъ; Лисовскій все еще перелѣталъ со своими неуловимыми „Лисовчиками“. Самыя напряженныя усилія русскаго народа и правительства новаго его царя наконецъ вытѣснили польскія войска и былъ заключенъ Столбовскій договоръ, Черниговскую и Сѣверскую, въ томъ числѣ западную половину Брянскаго уѣзда и Трубчевскій

⁵²⁾ Соловьевъ „Исторія Россіи“ т. V стр. 220—224.

уѣздъ, къ западу отъ линіи, проходившей отъ с. *Дядькова*, чрезъ с. *Городецъ* на Деснѣ, къ с. *Козловкѣ* на Деснѣ и по этой рѣкѣ.

Такимъ образомъ, хотя не большая часть Орловскаго края, снова отошла въ составъ Польско-Литовскаго королевства до того времени, когда, по Андрусовскому договору въ 1667 года, она была возвращена обратно въ составъ Русскаго государства.

Въ этотъ сорокалѣтній промежутокъ времени оторванная часть испытала на себѣ все ужасы гнета: католическаго духовенства, польскаго чваннаго панства, уніятскаго жема, іезуитскаго пехиднаго лицемѣрія и, къ довершенію всего, жидовскаго паразитства.

Слѣды всего этого несчастія не пустили у насъ глубокихъ корней, можетъ быть потому, что этотъ уголокъ былъ слишкомъ отдаленною окраиною, не удостоившеюся благосклоннаго вліянія цивилизаторскихъ стремленій поляковъ.

А. Шульгинъ.

